

Сокровища небес

Автор:

Олаф Бьорн Локнит

Сокровища небес

Олаф Бьорн Локнит

Отмычки Бела #2

В вольном Городе Воров продолжают похождения бесшабашной воровской шайки, куда угодил и юный Конан. В этом первом его столкновении с Хайборийским миром много веселого, но случаются и подлинные трагедии... И, как всегда, не обходится без вмешательства самих богов.

Олаф Бьорн Локнит

Сокровища Небес

ПРОЛОГ

«Нора» и ее обитатели

Середина лета 1264 года от основания Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

Утро, начинающееся с истошного вопля, может предвещать крушение мира, но иногда, в редчайших случаях, означает возвращение к старым добрым временам.

Вопль был добротный, с подвываниями и взвизгиваниями, перешедший затем в членораздельную речь. Кому-то грозили оторвать голову, разодрать на сотню мелких ошметков и утопить в выгребной яме. Затем хлопнула дверь – с оттяжкой, так что звук пронесся по обеим этажам, заставив старый дом содрогнуться от чердака до подвала – и источник шума явился самолично.

Как выяснилось со всей очевидностью, крики издавал не разъяренный демон, не охотящийся лев и не впавший в неистовство раненый дарфарский олифант, а всего лишь молодой человек. Обыкновенный человек, просто доведенный до той степени бешенства, когда изо рта начинает брызгать пена, а взгляд приобретает удивительную способность испепелять тараканов и неудачливых прохожих.

– Какая сволочь?! – возопил сей образчик рода человеческого и подкрепил слова действием – изо всех сил метнул вниз увесистый, но тоже вполне обычный сапог – вытершаяся воловья кожа, потускневшие серебряные бляшки и стертая подковка на каблуке. – Кто, я вас спрашиваю?! Мерзавцы! Всех поубиваю!

Обычно такое начало дня вызывало бурные отзывы соседей, ибо дело происходило в гостинице, постоялом дворе, таверне со сдачей наемных комнат – зовите как хотите. На первый и любой иной взгляд оно представляло из себя двухэтажное добротное строение из желтовато-оранжевого песчаника, затерявшееся посредине Третьего Обманного переулка шадизарского квартала Нарикано. Местечко именовалось таверной «Уютная нора», служа надежным прибежищем, штаб-квартирой и местом дружеских попоек для небольшой, однако весьма тесной и сплоченной компании, чей род занятий определялся одним веским словом – «противозаконный».

Один из этого маленького дружного сообщества, а именно карманник Ши Шелам, носивший также прозвища Ши Ловкач и Ши Умелые Ручки, стоял сейчас на ветхой галерее, опоясывающей большой общий зал, впустую сотрясая мир обвинениями в адрес вероломных приятелей.

Ши почитал себя оскорбленным до глубины души и жаждал крови. Все имеет свои пределы, в том числе и дружеские розыгрыши! Ну скажите, как поведет себя человек, проснувшийся после разгульной вечеринки, мучимый головной болью, жаждой и необходимостью посетить отхожее место, обнаружив рядом с собой горделиво возвышающийся на подушке сапог? Причем грязный и давно нечищенный? Разумеется, вцепится в это произведение кожевенного искусства и швырнет, куда подальше!

Совершенно не обратив внимания на подозрительное обстоятельство, что к ремешкам сапога примотана тонкая, но крепкая жилка, и другой ее конец завершается в том месте, которое любой мужчина (кроме евнухов, само собой) бережет больше всего на свете...

Ши сполна расплатился за невнимательность, и теперь торчал на балконе, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете или по крайней мере в этом городе. На миг перед ним возникло ужаснейшее видение: предмет его тихой гордости отрывается и летит вслед за сапогом. Что будет потом, лучше не задумываться, а сразу лезть в петлю головой. К его счастью, жилку затянули не слишком туго, потому Ши отделался самым большим кошмаром в своей жизни и вылетел на балкон – донести эту новость до всеобщего сведения.

Вчерашняя гулянка свалила с ног даже самых стойких выпивох. Ши убедился, что его вопли пропадают втуне и уныло присел на краю балкончика. Жизнь не имела смысла. Зачем он вчера так напился? Что он вообще тут делает, сидя поздним утром в чем мать родила на досках, грозящих вот-вот обломиться, и страдая, как проклятая душа на Равнинах Смерти? Пойти удавиться, что ли?

Сзади скрипнула дверь. Ши не оглянулся. Вот и первый желающий узнать, какого ляда он надрывается и мешает спать. Друзья, чтоб их всех горячка скрутила...

- Ши, дорогуша, что случилось?

Нежнейший голосок вполне мог принадлежать демонице-искусительнице или какой-нибудь небесной деве из свиты Иштар. За полнейшим отсутствием таковых в славном городе Шадизаре, им владела симпатичная девушка по имени Кэрли – вполне плотское создание с карими глазками и пышной шевелюрой каштанового цвета, разбавленной чисто-белыми прядками (Кэрли полагала, что

они придают ее облику неповторимость и почти не ошибалась). Узкий круг людей знал, что милейшая Кэрли на самом деле довольно ловкая воровка на доверии, но с виду... Ах, с виду – всего лишь милая девочка с пыльных улиц Шадизара.

Иное дело, что девочки с улиц Шадизара оч-чень редко бывают по-настоящему милыми. Только когда им это необходимо.

– Сгинь, пропади, рассыпья, – буркнул Ши. – Жизнь отвратительна, я прирожденный неудачник, и, о боги, как я хочу пить!..

– С этого бы и начинал, – невозмутимо сказала Кэрли, кутавшаяся в нечто длинное, цветасто-развевающееся и почти прозрачное. – Вставай.

– Зачем? – уныло спросил Ши. – Мне и тут неплохо.

– Будет еще лучше, – посулила девушка, добавив: – У меня есть холодная вода и немного шемского.

– Ненавижу шемское, – искреннее заявил Ши и со слабым интересом уточнил: – Где вода?

– У меня в комнате, – Кэрли на всякий случай указала направление.

Ши тщетно попытался обдумать положение. С одной стороны, зашедший в комнату Кэрли так просто оттуда не выберется. С другой стороны, там есть вода. Может быть, даже холодная.

Последнее соображение победило. Вдобавок необходимо поскорее убедиться, что пострадавшее по милости друзей-приятелей достоинство находится на своем законном месте!

А того умника, что проделал эту грязную выходку, вполне можно разыскать и потом... Куда он денется?

В комнате по соседству встревоженная криками девушка бормочет сквозь дрему:

- Что?..

Минувшей ночью здесь пронесся пустынный самум, ураган или шторм, безжалостно расшвыряв предметы обстановки, чью-то одежду и сохранив жизнь двум чудом уцелевшим жертвам кораблекрушения. Утлая лодочка, покачиваясь, несет их навстречу рассвету и спасительному берегу, но почему-то каждый из них втайне мечтает вновь оказаться посреди бушующего океана.

- Все в порядке, - успокаивающе произносит молодой человек, осторожно передвигая лежащую под головой подружки руку. - Колеса нашей жизни вернулись в прежнюю колею. Судя по воплям, кто-то подбросил Ши в постель скорпиона и он чрезвычайно возмущен сим поступком.

- А-а... - сонно кивает Феруза ат'Джебеларик, гадалка и предсказательница, снова роняя голову на подушку. Золотисто-рыжие локоны поблескивают в свете льющихся из распахнутого окна солнечных лучей. Девушка вздрагивает во сне, и тогда приятель еле слышно нашептывает ей на ухо что-то успокаивающее.

Ферузе лет двадцать, она довольно привлекательна по любым меркам - Турана, откуда родом ее отец, или Шадизара, где она живет. Человек, лежащий рядом, твердо убежден, что небеса и земля вращаются ради нее одной. Неважно, хороша она собой или нет, он знавал женщин куда красивее и искуснее. Дело в ином. С ней спокойно. Она словно недостающий кусочек его самого, тот самый уголок покоя, всегда ускользавший от него. Молодой человек ловит себя на том, что поневоле улыбается - не как обычно, слегка презрительно и насмешливо - но дурацкой самодовольной ухмылкой юнца, наконец-то сумевшего улестить девицу, по которой сох год без малого.

Собственно, ему понадобилось почти три луны - невиданно затянувшийся срок. Благодарение легкости шадизарских нравов и стечению обстоятельств. Однако, заполучив желаемую драгоценность, ее надо сберечь. Как, скажите на милость, это сделать, если кругом одни проходимцы... да и сам ты ничуть не лучше? Плюнуть, забрать Ферузу и уехать?

Он задумывается, сдвигая темные брови. В нем вообще преобладает темная масть – обманчиво-серьезные глаза цвета траурного агата, иссиня-черные волосы и смуглая кожа. Предки-шемиты наградили его хищным горбатым носом, неунывающим характером, вечно толкающим на авантюры, и имечком Аластор, что означает Дурной Глаз. Он действительно слегка косит, особенно когда увлекается спором. Мнение общества полагает его лучшим взломщиком Шадизара за последние десять-пятнадцать лет (Аластор с этим утверждением не согласен, считая себя вторым) и редким красавчиком. Против последнего он не возражает, хотя не придает слишком большого значения.

Таверна потихоньку оживает. Слышны разговоры прибирающихся в общей зале слуг и звяканье сметаемых в кучку черепков разбитых на вчерашней гулянке кружек. С улицы прилетают заунывные причитания разносчиков и громохание телег. Низкий хриловатый голос – не подумаешь, что женский – начинает командовать, заодно намекая постояльцам, что пора вставать. Это распоряжается хозяйка заведения, Лорна Бритунилка, белогривая амазонка средних лет (правда, без свойственных женщинам этого племени странных представлений насчет мужчин и их места в жизни) – особа решительная, строгая и воинственная. Лорну уважают и побаиваются – как соседи и жильцы ее заведения, так и заправилы квартала.

Феруза глубоко вздыхает и окончательно просыпается. Карие с золотистыми искрами глаза удивленно оглядываются, не узнавая комнаты. Припомнив вчерашний вечер, она зажмуривается и еле слышно хихикает.

– Тебе смешно, – с преувеличенным трагизмом провозглашает Аластор. – А у меня, можно сказать, впервые в жизни появилась непреодолимая трудность.

– Какая же? – ласково интересуется предсказательница. Она приподнимается на локтях, с любопытством глядя на приятеля сверху вниз.

– Ты, – молодой человек зарывается лицом в спутанные волосы девушки, судорожно, до боли, стискивая ее в объятиях, беззвучно повторяя: – Не покидай меня, не покидай, никогда, слышишь?..

Взвизгивает распахиваемая дверь, кто-то лихо влетает внутрь, растерянно кашляет и торопливо выскакивает в коридор.

– Ой-лэ, и никакой тебе романтики, – с грустью заключает Феруза, устраиваясь поудобнее и наклоняясь, чтобы поцеловать странно примолкшего Аластора. – Пусть судьба рассудит, сколько нам быть вместе и кто кого покинет... Не надо об этом думать, ладно? – она вглядывается чуть расширившимися зрачками куда-то в пустоту или в осыпающуюся штукатурку на стенах комнаты, и кивает: – У нас еще есть время. Много времени.

Аластор хочет спросить, какое время она имеет в виду, но потом решает узнать это попозже. Раз отпущенного им времени много, его наверняка хватит и на разгадывание загадок, и на поиски ответов на заковыристые вопросы.

Но сейчас – сейчас мир состоит только из тихого шепота, прикосновений, неторопливых движений и мягкого, укачивающего тепла. Утонув в теплом облаке, они любят друг друга, снова и снова, пока не раздастся настойчивый стук и чей-то голос не выкрикивает:

– Эй! Все понимаю, прошу прощения, но у нас неприятности! Вам стоит на это взглянуть! Вылезайте!

Обширный двор таверны, вымощенный булыжником и некогда знававший лучшие деньки, нынче смахивает на поле неравного боя между людьми и природой. Бурьян, захватив дальние углы, упрямо пробивается сквозь потрескавшиеся камни. В центре двора торчит наполовину обвалившийся фонтан, и позеленевшая медная цапля с явным отвращением цедит из клюва мутную водяную струйку.

Двое, он и она, прощаются возле фонтана и никак не могут проститься. Он – гибкое, подвижное, беспокойное создание, похожее на хищного и сообразительного зверька, хорька или ласку. Выгоревшие на солнце песчано-рыжие длинные волосы то и дело падают молодому человеку на лицо, он мотает головой, продолжая в чем-то настойчиво убеждать подружку. Она – глазастая, с парой темно-каштановых кос, на кончиках которых раскачиваются, звякая, крохотные бубенцы. В отличие от парня, девушка производит впечатление особы из приличного семейства – торгового, а может, и дворянского.

Его зовут Хисс Змеиный Язык, он мошенник, изготовитель поддельных драгоценностей и фальшивых документов, азартный игрок и, как уверят молва,

способен всучить кому угодно что угодно, да еще выручить на этом кругленькую сумму.

Ее имя – Лиа. Лиа Релатио. Она родом из Мессантии Аргосской и служит у знатной офирской дамы, графини Клелии Кассианы диа Лаурин. Молодые люди познакомились всего день назад при не совсем обычных обстоятельствах, но, кажется, прониклись взаимной симпатией.

Наконец им удается убедить друг друга, что любая разлука только предвещает новую встречу, Лиа протискивается в щель между никогда не запирающимися створками ворот, и убегает вниз по Обманному переулку, торопясь вернуться к госпоже.

Хисс долго смотрит ей вслед, потом, покачиваясь, бредет через двор к крыльцу в три ступеньки и вдруг останавливается, озадаченно уставясь на неведомо откуда взявшийся предмет – нечто вроде крохотной часовни, устанавливаемой в честь кого-то из богов на перекрестках или площадях. Сооруженьице из черного мрамора украшено четырьмя витыми колоннами дымчато-серого хрустала и завершается остроконечной крышей с тонким серебряным шпилем. Глубокая ниша, прорубленная на высоте двух третей от земли, ограждена мелкой железной сеткой, утопленной по краям в камень, и на первый взгляд пустует.

– Хм, – Рыжий обходит вокруг часовни. Боязливо тыкает в нее сначала подобранной щепкой, затем пальцем, убеждаясь, что белая горячка и последствия бурно проведенной ночи совершенно не при чем. Камень настоящий – твердый и холодноватый.

Ничего не решив и не поняв, Хисс взбирается по ступенькам, вламываясь в таверну и озираясь в поисках приятелей. Нужно заставить кого-нибудь взглянуть на это диво. Двоим не может мерещиться одно и то же. Если часовню увидит другой человек, значит она самая что ни на есть всамделишная. Откуда она могла взяться?

У погасшего камина кто-то спит, по-звериному свернувшись и подстелив под себя вытертую овечью шкуру, обычно используемую как коврик перед лестницей на второй этаж. Хисс толкает спящего ногой и мгновенно отскакивает, привыкнув, что у этого типа реакция получше, чем у маленьких, но смертельно ядовитых змеек.

Однако сегодня такой день, когда нарушаются любые правила. Человек не подает признаков жизни. Только после второго пинка слышится слабое недовольное ворчание.

- Подъем! – орет Хисс, заставляя слуг испуганно оглянуться. – Малыш, враги повсюду!

- Врешь ты все, – бурчит ломающийся юношеский голос с непривычным для здешних краев гортанным акцентом. Его обладатель пытается сесть, теряет равновесие, хватается за голову и изрекает несколько энергичных, но насквозь непонятных фраз. Хисс с затаенным удовольствием наблюдает за мучениями приятеля, ибо нет ничего приятнее глазу, чем вид страданий ближнего твоего. Смиловитившись, Рыжий приносит один из заранее выставленных на стойку кувшинов с холодной водой и сует в руки юнцу.

Ночевавший на полу человек – именно юнец, пятнадцати или шестнадцати годков от роду, хотя обычно ему дают лет двадцать. Мальчишка выглядит странноватым даже для такого суматошного города, как Шадизар, где проживают обитатели почти всех стран Материка. Долговязый, жилистый подросток с гривой жестких волос цвета оседающей на стенах каминов сажи, и ярко-голубыми глазами, из которых никогда не пропадает выражение бдительной настороженности. Как у животных, пребывающих в ожидании опасности даже тогда, когда мир вокруг совершенно спокоен.

Мальчишку зовут когда Малышом, когда Медвежонком. Его настоящее имя – Конан, название его родины, лежащей где-то на варварской Полуночи – Киммерия. Впрочем, тут не принято проявлять излишнее любопытство к вашей прошлой жизни и выяснять причины, по которым вы оказались там, где пребываете ныне. Малыш живет в «Норе» около трех лун, ничем особенным себя пока не проявил, и в основном занят безнадежными попытками осознать правила суматошной городской жизни.

В чем, бесспорно, нельзя отказать Малышу, так в редкостном здравомыслии. Потому Хисс и счел, что никто другой не сможет лучше развеять примерещившийся ему морок в виде черной часовни.

Пока Хисс втолковывает мальчишке, что от него требуется, сверху спускается еще один постоялец, мающийся от последствий вчерашних возлияний. Джай

Проныра, Джейвар Сигдим – местный уроженец до мозга костей и признанный глава Компании. Услышав сбивчивый рассказ Хисса, он вопросительно хмурится и решает, что пойти надо всем. Вдобавок, вчера вечером Ши плел что-то насчет очередных превращений их многострадального нужника.

Метаморфозы обычной деревянной будки на заднем дворе таверны уже седмицу служили предметом для волнений и обсуждений всех жильцов.

Первопричиной странных явлений послужил непонятный золотой жезл, вроде бы обладавший магическими свойствами. В таверну его принесли Джай и Конан, прихватив в числе прочей добычи в доме члена городского Совета. Под веселую руку и по чистой случайности Феруза умудрилась оживить золотую спицу с аметистом на верхушке, и та проделала дыру в границе, разделяющей мир людей и потусторонних созданий. Сквозь это отверстие явился Пузырь – уродливое летающее создание, сплошная пасть и бездонный желудок. Общими усилиями незваного гостя выбросили за порог, и он отправился путешествовать по Шадизару, пожирая то, что казалось ему привлекательным.

К нынешнему дню за Пузырем числился разгром в игорном доме «Сбывшиеся надежды», обглоданные колонны дома городского Совета, обезглавленная статуя Митры перед главным городским храмом и десяток более мелких проделок. На людей он пока не нападал, а кое-кто из практикующих колдунов и магов предлагал изрядное вознаграждение смельчаку, готовому рискнуть и изловить непонятное существо для более близкого изучения.

Испуганный Ши Шелам, не долго думая, швырнул загадочный жезл в выгребную яму.

Спустя день оттуда хлынул поток пестрой, однако безобидной нечисти – оранжевые сколопендры в зеленую полоску, синие кошки и скорпионы со стрекозиными крыльями. Затем облупившаяся деревянная будка обрела дар речи и начала проповедовать близящийся конец времен.

...Обитатели постоянного двора «Уютная нора» стоят вокруг неузнаваемо изменившегося нужника, растерянно переглядываются и пытаются сообразить, что же это такое. К Джаю, Хиссу и Малышу присоединился Райгарх – вышибала и по совместительству приятель хозяйки, такой же, как и Лорна, бывший наемник

на покое. Чуть попозже являются Ши и Кэрли, и замешкавшиеся Аластор и Феруза. Последней приходит Лорна. Увидев своеобразное добавление к постройкам таверны, бритунийка изумленно свистит и задает пока не высказанный никем вслух вопрос:

– Ребятки, что нам делать с этой штуковиной?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Похороны с пожаром и наводнением

Кодо Ходячий Кошмар поднимался по скрипучим ступенькам Старой Лестницы, лепившейся к склону холма, одновременно убеждая себя в том, что давно следовало привыкнуть к непредсказуемости этого растреклятого города и его жителей. Кто-кто, а он изучил шадизарские порядки на собственной шкуре, пройдя долгий путь от вожака уличной шайки подростков до нынешнего завидного положения правой руки Назирхата уль-Вади, не признаваемого официальными законами старшины квартала Нарикано. Тем не менее, жизнь не уставала преподносить новые сюрпризы, и Кодо терялся в догадках – к добру эти перемены или к худу? Неужели он потерял доверие хозяина?

«Все беды – от треклятого зингарца, – зло размышлял Кодо. – Какой демон приволок сюда этого напыщенного благородного дона? Почему Назирхат решил с ним связаться? Кто он такой? Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоньо – нате, подавитесь! Спесивый расфуфыренный хрыч с толстым кошельком! Думает, раз у него полные карманы золота, так он король и бог? Как бы не так! Это наш город и наша страна! Никакие раззолоченные вонючки с Побережья никогда не станут здесь командовать!»

Для подобного раздражения имелись веские основания. Подозрительный гранд из Зингары явился не далее, как два дня назад, и завоеванные с потом и кровью позиции Кодо внезапно начали рушиться.

Начать с того, что Назирхат не позволил своему верному помощнику присутствовать на беседе с таинственным визитером с Полуденного Побережья,

не пожелал раскрывать подробностей разговора и вообще низвел Кодо до уровня мальчика на побегушках.

Естественно, Кодо возмутился и потребовал объяснений.

Почтеннейший господин уль-Вади, сложив руки на внушительного вида брюшке и масляно прищурив узкие глазки отпрыска заморийца и уличной девицы из Хаурана, втолковал разъяренному подручному: беспокоиться совершенно не о чем, любая шавка, посмевавшая твякнуть на Кодо, немедленно будет удушена собственным языком, а в его, Назирхата, голове нынче родился небольшой замысел, деталей которого он пока не отшлифовал, но заранее уверен – Кодо понравится. Что до дона Кебрадо, пусть его пыжится и надувается. Главное – он щедро платит за нужные ему услуги и потому волен вести себя, как ему вздумается. Не стоит обращать внимания. Зингарцы такие, с рождения жареным петухом в задницу клюнутые. Вместо того, чтобы расстраиваться из-за пустяков, Кодо вполне мог бы заняться полезным делом.

– Каким? – мрачно спросил Кодо.

Выяснилось, что нужно навестить одного человека, проживающего в квартале Нарикано, и узнать, чему тот подумывает посвятить ближайшую седмицу. Кодо кивнул и вышел, ничуть не успокоенный, но еще более встревоженный.

Ибо человека, к которому отправил его Назирхат, звали Аластором. Аластором – Дурным Глазом, способным открыть любой замок и проникнуть в любую сокровищницу. Последний идиот способен выстроить цепочку связей – раз уль-Вади потребовался Аластор, значит, готовится нечто крупное. Только что?

Перебрав все возможности, Кодо решил, что ни одна из них не кажется ему привлекательной и впал в тихую ярость. Назирхат строит грандиозные планы, а его помощник, его правая рука на протяжении доброго десятка лет, не имеет представления о том, что происходит! Никак мир рухнет? Или всего-навсего подходит печальный конец карьеры Кодо Ночного Кошмара, Кодо – грозы должников, способного извлечь доход даже из камня? Неужели какая-то молодая, да ранняя сволочь метит на его место?

Финальной каплей, переполнившей чашу недовольства Кодо, стало маленькое досадное происшествие, случившееся в конце беседы громилы и его

покровителя. Почтеннейший уль-Вади никогда не позволял себе подобных выходов, и Кодо несколько опешил, не зная, счесть эпизод попыткой оскорбления или очередной проверкой на верность и выдержанность.

Кодо, о чем знал весь Шадизар, владел обширным собранием традиционных воровских талисманов, так называемых Отмычек Бела, представлявших собой связку в пять-десять разнообразных ключей на едином кольце. Они, разумеется, ничего не открывали, служа лишь символом бога воровства и, по утверждению владельцев, принося удачу в деле. Коллекция Кодо насчитывала около трехсот амулетов, искусно выполненных из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней, и не существовало лучшего способа подольститься к Ходячему Кошмару, чем преподнести ему новый экземпляр Отмычек.

Недавно угодивший в руки Кодо трофеем вполне заслуживал того, чтобы стать подлинной жемужиной собрания. Громила захватил его у уличного ворюги Ши Шелама в качестве выкупа и никак не мог заставить себя расстаться с позвякивающей, сверкающей гроздью, присовокупив ее к прочим сокровищам. Носил в кармане, доставал полюбоваться, крутил на пальце – пока не привлек внимания Назирхата. Тот пожелал ознакомиться с очередной добычей Кодо поближе. Правая рука уль-Вади не слишком охотно рассталась с блестящей побрякушкой, смутно предчувствуя готовящийся подвох.

Кодо не ошибся. Ключи так приглянулись Назирхату, что старшина квартала решил оставить их себе: «Ты ведь не возражаешь, правда?»

Проглотив крутящиеся на языке возмущенные реплики, Кодо ограничился вымученным кивком. Связка переменяла владельца, и Ходячий Кошмар добавил к мысленному перечню поступков, требующих непременно возмездия, еще одну памятку. В конце концов, уль-Вади тоже смертный человек, совершающий ошибки, которые могут ему дорого обойтись.

...Старая лестница завершилась широкой площадкой, облюбованной продавцами всякой мелочи, зазывалами, уличными игроками в зернь и «Три скорлупки», выискивающими новую жертву, и неизменными девицами, бросающими по сторонам многообещающие взгляды. Появление в этом крохотном мирке Кодо и его свиты – трех зверообразных громил, не обремененных мозгами, зато с удовольствием выбивающими упомянутые мозги у других – вызвало ту же панику, что сопровождает визит шуки в тихую заводь. Не расплатившиеся должники, личности, догадывавшиеся, что ходят в немилости у Кодо или

промышлявшие на чужой территории, стремительно брызнули по сторонам, растворившись в пропахшем пылью и нечистотами городском воздухе. Оставшиеся поторопились с изъявлениями безоговорочной преданности – лишний поклон спины не ломит. Кодо снисходительно кивнул льстиво улыбавшимся красоткам, перекинулся парой слов с замшелым главой местного цеха нищих и ощутил слабый подъем настроения. Благородные задаваки приходят и уходят, Шадизар пребудет неизменным, а он, Кодо, постарается не отдать свое место без боя.

* * *

Возле стоявших приоткрытыми ворот таверны «Уютная нора» клубилось некое столпотворение – не слишком большое, но нездорово оживленное. Раздавались смешки, удивленные возгласы, кто-то заливисто присвистнул и расхохотался в голос. Кодо и его сопровождающим пришлось расталкивать толпу, пробиваясь в первые ряды.

Увидев творимое действие, Кодо озадаченно потряс коротко стриженной головой, затем утробно фыркнул и зашагал к крыльцу, обходя участников непонятого представления стороной и гадая, что они затеяли на сей раз.

Торжественно шествовавшая по двору процессия отчасти напоминала церемонию похорон. Возглавляли ее Ши Шелам, тщетно крививший постную физиономию, и мальчишка-варвар, приставший к Компании в конце весны. Они тащили носилки, заваленные ворохом разноцветных тканей, на которых красовалась большая кхитайская шкатулка – из тех, что купцы привозят из-за Вилайета через Туран. На лакированных черных боках коробки играли солнечные лучи, среди причудливых цветов танцевали рогатые драконы в золотой броне и с перламутровыми глазками. Присмотревшись, Кодо заметил торчащий из шкатулки длинный чешуйчатый хвост какого-то животного, и недоуменно прищурился.

Позади траурных носилок следовали девушки – гадалка Феруза и разбитная мошенница Кэрли. Девуцы рыдали в голос, иногда срываясь на истерическое хихиканье, заламывали руки, причитали и всячески старались подражать

наемным плакальщицам. Между ними ковылял Хисс, прижимая к глазам огромный шелковый лоскут, выполнявший роль платка, и оглашая двор скорбными воплями – прикидываясь безутешным наследником. Иногда у него подкашивались ноги и он совершал попытку рухнуть на вытершиеся булыжники. Кэрли и Феруза хватали его под руки, жалостно уговаривая не порывать с жизнью и не бросать осиротевшую семью на произвол судьбы. Троица украдкой передавала друг другу небольшой кувшин и, приложившись к источнику живительной влаги, надрывалась с удвоенной силой.

За девицами и Хиссом шли Джай Проныра и кое-кто из зевак, решивших присоединиться к странным похоронам и изображавших толпу прихлебателей, надеющихся поживиться на чужом горе. Как и положено, они громким шепотом обсуждали убранство погребального катафалка, старания плакальщиц, возможное завещание покойного и сумму оставленных им долгов.

Разномастное сообщество рывками передвигалось вокруг издыхающего фонтана. На обвалившемся парапете восседал Райгарх, мрачный, как грозовая туча или прогоревший ростовщик-шемит, и пристально наблюдал за церемонией.

В дальнем углу двора громоздилось необычное сооружение – в свой прошлый визит Кодо его не заметил. Островерхая часовенка из черного с белесыми прожилками камня, украшенная тонким серебристым шпилем. Компания окончательно спятила, решив обзавестись собственным святилищем? Тогда какому богу оно посвящено? Кодо не припоминал ни одной местной религии, где требовалось возводить подобные молельни. Может, постояльцы «Норы» стянули загадочную штукюину у жрецов в надежде перепродать какому-нибудь собирателю редкостей?

На потрескавшемся крыльце в три ступеньки в обществе кувшина с вином и пары вываливших языки сторожевых псов расположилась Лорна, меланхолично созерцавшая новую выходку своих жильцов. Увидев Кодо, тавернщица дружелюбно кивнула, подвинулась и хлопнула ладонью по пыльной ступеньке. Не усмотрев в приглашении ничего, могущего повредить его авторитету, Кодо грузно уселся рядом с бритунийкой и полюбопытствовал:

– Хозяйка, что у вас творится?

– Похороны, – бесстрастно отозвалась Лорна, в чьих серых глазах отплясывал, кувыркаясь через голову и дразнился целый сонм проказливых демонят.

– И кого хоронят? – уточнил Кодо.

– Мириану.

– Какую Мириану? – не отставал громила.

– Райгархову, – женщина хмыкнула, решив, что достаточно помучила собеседника, и соизволила разъяснить подробнее: – Ксилу, туранскую пустынную ящерицу. Райгарх ее держал вместо кошки – вроде как домашняя любимица. Какой-то из оболтусов позавчера случайно на нее наступил. Разумеется, тварюга издохла. Райгарх узнал и взбесился. Начал кричать, что всех перебьет, но дознается, кто прикончил его ненаглядную скотинку. Этих идиотов хлебом не корми, дай дурака повалить. Они немедля предложили устроить бедной животине роскошные проводы, и целое утро таскаются с ней по двору.

– Ясненько, – протянул Кодо. Он отчетливо слышал протестующий визг своего разума, куда тщетно пыталась вместиться мысль о торжественных похоронах ящерицы-ксилу. – Вообще-то я к Аластору пришел... Он дома?

– Кто поминает имя мое всуе? – зловеще прошипели сзади. Кодо поспешно оглянулся. Таверница не шевельнулась.

Из-за приоткрытой двери таверны выбруался Аластор. Он раздобыл где-то просторный черный плащ, болтавшийся на нем, как на палке, и деревянную лицедейскую маску в виде оскалившего зубы черепа. Получился эдакий ходячий мертвец с подозрительно живыми зрачками, весело блестящими в пустых глазницах личины.

– Гм, – протянул Кодо, не решив, как стоит воспринимать перевоплощение взломщика в Духа Смерти – высмеять или поддержать игру.

– И он туда же, – горько вздохнула Лорна. – Альс, тебе кой годик стукнул? Решил на старости лет в фигляры податься?

– Вечно серьезное выражение лица, да будет тебе известно, плохо сказывается на работе желудка и приводит к излишнему скоплению зеленой желчи, – не замедлил с ответом Аластор. – Мое почтение, Кодо.

– Я насчет... – заикнулся подручный Назирхата. Взломщик нетерпеливо отмахнулся «Потом, потом!» и сиганул с крыльца, завывая и размахивая полами накидки. Сие, как видно, обозначало приход гонца с Равнин Смерти за душой усопшего.

Носильщики, плакальщицы, наследник и гомонившая свита с готовностью рухнули на колени. Откуда-то (вероятно, с улицы) донеслась заунывно-тоскливая мелодия, перемежаемая надрывными всхлипами и позвякиванием железа о железо. Аластор разразился выпенной и не слишком приличной речью, живописуя многочисленные душевные и телесные достоинства покойницы. В паузах, пока оратор переводил дух, участники церемонии дружно голосили, щедро посыпали друг друга подобранной тут же красноватой пылью и отчаянно старались не расхохотаться.

– Детки-переростки, – снисходительно пробормотала тавернщица и отхлебнула из кувшина. – Никогда не повзрослеют.

Слегка охрипшее общество наконец перебралось к закутку между углом дома и птичником, где красовались заранее сложенные на старую повозку и щедро политые маслом вязанки хвороста: после вдумчивого обсуждения трупик Мирианы в соответствии с варварскими традициями решили предать огню. Шкатулку с подобающим трепетом закрыли крышкой и водрузили поверх сухих веток. Хисс завопил так, будто его пытались зарезать или охолостить, девицы повисли на нем с двух сторон, оттягивая в сторону от будущего кострища.

– Угмонитесь, угмонитесь, – Джай, присвоивший себе должность распорядителя, жестами и тычками расставил пестрое сборище полукругом. – Дух! – призыв относился к Аластору. – Не скачи, как игривый козел! Встань смиренно и вой потихоньку! Где... э-э... ближайший родственник усопшей? Райгарх, поди сюда! Молви что-нибудь на прощание, да и спалим страдалицу.

Асир поднялся с парапета, тяжеловесно прошагав к заваленной сушняком повозке. Общество слегка притихло – частично из уважения к разлуке вышибалы с верной ящерицей, частично из опасения схлопотать подзатыльника за

невовремя отпущенную остроту и тем испортить затею.

– Прожили мы вместе долгую и трудную жизнь, – сурово и мрачно-торжественно начал Райгарх, – повидали немало радостей, горестей и прочего добра, какого вам, дармоедам и лентяям, и не снилось... – он обвел слушателей подозрительным взглядом, выискивая скрытые ухмылки, таковых не обнаружил и проложил: – Однако никакое счастье не длится вечно. Потому сегодня, когда суждено нам навечно проститься с Мирианой, образцом благонравия, кротости и добродетельности среди ящериц...

Кэрли тихонько хихикнула. Райгарх понял, что увлекся, подражая туранской высокопарности, и завершил речь просто и коротко:

– В последний раз спрашиваю, мерзавцы – кто? Кто угробил бедную невинную скотинку? Бить не буду, обещаю!

– Да в суматохе не заметили ее, вот и придавили по случайности, – заикнулся Ши, отлично знавший, кто виновен в смерти хвостатой твари. Вина целиком и полностью лежала на Конане. Природная способность ксилу менять окраску в зависимости от окружающих предметов сыграла с ней дурную шутку. По ведомым только ей соображениям ящерица повторила очертания и цвет лежавшего на столе длинного кинжала в ножнах. Когда Малыш, уверенный, что перед ним обычное оружие, схватил ее за хвост, зверюга пустилась бежать. Мальчишка, не вдаваясь в долгие размышления, треснул удирающим «кинжалом» по краю стола.

Такого обращения, само собой, не выдержит самое стойкое животное...

Опасаясь справедливого возмездия, Ши предложил уложить трупик ящерицы на лестнице – авось, кто-нибудь наступит. Разумеется, принимать на себя ответственность и гнев владельца ксилу не хотелось никому, и покойница Мириана пережила ряд утомительных перемещений с места на место, пока чья-то добрая душа не спрятала ее на кухонном леднике.

По правде говоря, никто, кроме Райгарха, не испытал особого сожаления, узнав, что Мириана отдала концы. Ящерица была воровата, вредлива и постоянно совала нос, куда не следует. Привлекательностью она тоже не отличалась – бородавчатая, в наростах и складках, с чрезвычайно напыщенной мордой,

украшенной маленькими рожками.

* * *

Убедившись, что никто из друзей-приятелей не собирается каяться в совершенном убийстве, асир зловеще выпятил челюсть и рывкнул:

- Тогда слушайте, что я скажу! Вы будете хоронить ее столько раз, сколько потребуется той трусливой душонке, чтобы признаться! Поняли?

- Че-го? - переспросил оторопевший Джай. - Райгарх, ты случаем, на солнышке не перегрелся?

- Очень смешно, - Аластор снял личину черепа, откинул капюшон и изумленно уставился на вышибалу. - Райгарх, да что с тобой, в самом деле? Это всего лишь ящерица!

- Лорна не разрешит хранить ее в кладовке, - многозначительно вставил Ши, помахивая висящим на цепочке горшком с раскаленными углями внутри. - Так я поджигаяю?

- Да!

- Нет. Ши, стоять!

На Райгарха снизошло знаменитое варварское упрямство, когда человек способен голыми руками разделаться с десятком вооруженных противников или поссориться с лучшими друзьями только ради того, чтобы настоять на своем. Зеваки, почуявшие, как веселая шутка грозит вот-вот обернуться чем-то опасным для жизни, предусмотрительно отступили к воротам. Маленькая толпа на улице на удивление быстро рассеялась. Лорна насторожилась и подалась вперед, готовая вскочить на ноги и вмешаться. Кодо, за компанию с тавернщицей приложившийся к кувшину, презрительно фыркнул. Хисс и девушки попятнулись. Впрочем, Феруза немедленно попыталась разрешить дело

миром, прибегнув к доводам разума:

– Райгарх! Райгарх, послушай мне тоже жаль Мириану. Но какой прок в том, чтобы хранить то, что от нее осталось? Раз она была дорога тебе, не лучше ли достойно похоронить ее и затем искать виновного? Что толку, коли «Нора» пропахнет дохлой ящерицей? Она вполне могла погибнуть сама – от болезни или старости...

– Или от того, что ей проломили голову, – неумолимо продолжил вышибала. Феруза смешалась и умоляюще глянула на друзей в поисках поддержки. – Я жду ответа! Или мы сейчас отнесем ее обратно, а завтра повторим все заново!

– Даже не мечтай, – бритунийка, только что скучавшая на крыльце, каким-то чудом оказалась рядом с Компанией. – С меня вполне достаточно двух дней, пока твоя драгоценная тухлятина валялась на леднике. Ши, заканчивай балаган.

– Угу, – воришка замахнулся, чтобы провести яркую огненную черту под жизнью туранской песчаной ящерицы. Райгарх попытался перехватить летящий горшок, но не успел – тот врезался в выступ на стене дома и с хрустом раскололся. Красно-черные угольки брызнули по сторонам, по большей части угодив на высушенный солнцем и пропитавшийся маслом хворост. Сушняк мгновенно вспыхнул, дрожащая волна жара заставила столпившихся вокруг людей отступить. Черные бока шкатулки украсились выпуклыми пузырями плавящегося лака, позолота на чешуйках драконов тоненькими ручейками потекла вниз. Запахло паленой древесиной и подгорающим мясом, к небу устремился сизоватый дымок.

– И вознеслась душечка Мириана на ящеричьи небеса, где полно мух величиной с цыпленка, а мокрицы сами прыгают в пасть, – вполголоса провозгласил Джай. – Туда ей и дорога.

– Ибо нет в мире ничего, заслуживающего названия «вечного», и любому из живущих суждено переступить порог, за которым начинается Непознаваемое, – поддержал его низкий, раскатистый Голос, в котором смешивались безмерная усталость от жизни и эдакое затаенное самолюбование. Постояльцам «Норы» уже доводилось слышать подобные речения (они доносились из неузнаваемо переменившегося нужника), однако прежде таинственное создание не позволяло себе такой наглости – вмешиваться в людские дела. Преображенная

будка тихо сидела около птичника, развлекаясь тем, что проповедовала совершенно равнодушным к ее речам гусям и уткам.

– Заткнись, – кратко огрызнулся Райгарх, невзлюбивший Голос с первого изданного им звука.

– Отвращающий слух свой от слов истины добровольно обрекает себя на вечную слепоту и глухоту, – не пожелал оставаться в долгу Голос. Теперь становилось ясно, откуда он доносится – из ниши мраморной часовни. Якобы намертво заделанная в камень решетка свободно покачивалась, чуть слышно поскрипывая, в глубине выемки мерцало призрачное голубовато-золотистое сияние, точно там обосновалось семейство светлячков. Философствующий бестелесный Голос иногда заглушался отдаленным пронзительным воем ветра и звуками, напоминающими бряцание тяжелых цепей.

– Как вы это делаете? – заинтригованный Кодо поднялся, вперевалку приблизился к странной кумирне и заглянул в нишу. – Запихали кого-нибудь внутрь?

– Само треплется, – рассеянно отозвалась Кэрли.

Хворост частично прогорел, облупившаяся и покоробившаяся шкатулка свалилась в глубины между вязанками. Дно повозки грозило вот-вот развалиться. Вдохновленный растерянным людским молчанием Голос разошелся вовсю:

– Как познать полноту и восторг Жизни, не существуй Смерти? Как оценить красоту дня, если в свой черед на землю не вступает ночь? Ночь, которая, как известно, старше и могущественнее дня, ибо сотворена первой? Кто сможет сказать, что изведает до конца все тайны ночных небес? Кто по праву произнесет: «Мне ведомо скрытое»? Истина кроется в молчании и тьме, и немного тех, кто отважится пройти ее до конца, кто шагнет за Порог не в страхе, но с разумом, открытым новым загадкам...

– Прелюбопытное учение, – озадаченно протянул Аластор. Он выглядел как человек, заподозривший нечто неладное, однако не разобравшийся толком, чем именно встревожен. – Смерть как ступень к новому познанию? Эхтендат Сольвийский, помнится, утверждал нечто подобное, так митрианцы быстренько

заклеймили его растлителем душ и на всякий случай выставили из города...

– Сейчас он у меня получит новые знания! – Райгарх наконец обнаружил, на ком можно сорвать накопившуюся злость. – И подавится!

Не раздумывая о последствиях, асир ухватился за борт горящей повозки, толкнул изо всех немалых сил и опрокинул – прямо на часовню из черного камня. Основание капища утонуло в рассыпавшихся горящих ветках и заволоклось едким дымом, мгновенно наполнившим нишу. Голос растерянно поперхнулся и умолк.

– Зря ты с ним так... – начал слегка обескураженный Ши. Договорить ему не дали.

Часовня неистово закачалась из стороны в сторону. Из-под объятого разгорающимся пламенем фундамента судорожно выпростались восемь уже виденных обитателями постоянного двора огромных паучьих лап, завершающихся где когтями, а где лошадиными копытами, и принялись торопливо затаптывать огонь.

Кодо растерянно моргнул, протер глаза, снова проморгался и подумал, что настала пора изрядно уменьшить число еженощных возлияний. Мало просто разговаривающей часовни, теперь у нее ноги выросли... Что дальше? Встанет и пойдет?

Словно отвечая человеческим мыслям, мраморное сооружение тяжело ухнуло и воздвиглось на выпрямившихся конечностях, оказавшись локтя на два выше людей. Короткая жесткая шерсть на лапах дымилась, покрываясь быстро расползающимися черными пятнами. Обитающее внутри существо зашлось в лающем кашле. Восемь ног, пребывавших в сильнейшем разладе между собой, перепутались, из-за чего раскачивавшаяся, как корабль на штормовых волнах, часовня описала пару кругов вокруг собственной оси, пошатываясь, выбралась на середину двора и, перевалившись через парапет, свалилась в чашу фонтана. Изъеденная солнцем и ржавчиной медная цапля с хрустом переломилась: голова полетела в одну сторону, туловище с ногами в другую.

– Хорошая была птичка, – невпопад заметил Ши, предусмотрительно высматривая путь к бегству.

Неуклюже перебирающая лапами постройка продолжала кружиться, выворачивая булжники, раскатисто чихая и бормоча нечто маловразумительное. Питавший фонтан источник, считавшийся почти пересохшим, неожиданно воскрес, выплюнув к сизо-голубоватому небу тугую струю воды и щедро окатив разбежавшихся зрителей. Досталось и часовне, шарахнувшейся в сторону и по счастливой случайности оказавшейся вблизи ворот.

Неизвестно, обладало ли сооружение зрением или его подобием, однако решения принимать оно умело. Часть ног согнулась, отчего часовня наклонилась, устремив вперед серебряный шпиль и став похожей на некий оживший таран. Лорна, сообразившая, что сейчас произойдет, яростно выругалась.

Бывший нужник таверны «Уютная нора» с треском врезался в полуоткрытые створки, сокрушил их и вылетел на улицу, оставляя за собой слабо различимый дымный шлейф и разлапистые мокрые следы. Оказавшись снаружи, часовня повернулась к изумленно вытаращившимся ей вслед людям и с отчетливо различимой язвительностью в голосе изрекла:

– Тратить слова на глупцов столь же бессмысленно, как извлекать воду из камня.

После чего, залихватски раскачиваясь, пошагала вниз по переулку, сопровождаемая испуганными воплями зевак, ругательствами и призывами о помощи ко всем богам сразу.

Разрушенный фонтан продолжал извергать воду, темными ручейками разбегавшуюся между пересохших камней и превратившую догорающие вязанки хвороста в кучу грязи.

– Догнать? – не слишком уверенно поинтересовался Конан, обращаясь к Лорне. – Ведь всю округу перепугает...

Тавернщица подумала и отрицательно покачала головой:

– Ну его к демонам. Пускай катится, куда хочет.

– Погодите, погодите! – Кодо наконец смирился с тем печальным фактом, что происходящие вокруг события ему не мерещатся. – Вы что, всерьез хотите отпустить это шляться по городу?

– Коли тебе нечем заняться, можешь открыть на него охоту, – не слишком любезно буркнул Аластор и, спасаясь от прибывающей воды, забрался на крыльцо, втащив за собой безостановочно хихикавшую Ферузу. – У нас, как видишь, своих забот по горло. Ты вроде хотел мне что-то сказать? Так я слушаю. Причем, заметь, очень внимательно.

– Э-э... – Кодо совершенно не хотелось передавать поручение в такой обстановке, но, похоже, другого выбора ему не оставили. – Видишь ли, какое дело...

Его заглушила Лорна, прошлепавшая к захлебывающейся водой старой бронзовой трубе. Оценив величину разрушений, бритунийка сердито заорала, приказывая постояльцам не торчать на месте, изучая собственные задницы, а шевелиться – волочить доски, мешки с песком, камни, в общем, любые предметы, годные для сооружения временной затычки. Джай отправился посмотреть, что случилось с воротами, ныне валявшимися посреди улицы. Остальные, переругиваясь и взаимно обвиняя друг друга в скудоумии и непредусмотрительности, нехотя принялись за работу.

* * *

Объединенные усилия иногда приносят неплохой результат. Теперь посреди двора громоздился неопрятный холмик из мешков, валунов и рассыпанной земли, зато фонтанирующая прорва утихла, оставив на память быстро высыхающие лужицы. Лорна бродила вокруг и озабоченно прикидывала, что выгоднее и обойдется дешевле: устроить новый водомет или вырыть колодец. Фонтан, конечно, доказывает обеспеченность владельца таверны и его хороший вкус, однако дополнительный колодец в задыхающемся без воды Шадизаре куда полезнее.

Одну створку ворот стараниями Джая, Конана и дававшего ценные указания Ши удалось кое-как приладить на место. Дела со второй обстояли хуже – спятившая часовня выворотила без того слабо державшиеся проржавевшие петли.

Пришлось ограничиться тем, что втащить половинку бывших ворот во двор и прислонить к забору.

– ...Ворота сломали, фонтан развалили, грязи навели, – хмуро перечисляла бритунийка, возясь за стойкой с закупоренным бочонком. Компания, убежденная, что ее честные и тяжкие труды заслуживают бесплатной выпивки за счет заведения, пропустила справедливые обвинения хозяйки «Норы» мимо ушей. – Не говоря уж о перебитой посуде и ломаных скамейках. Чует мое сердце, скоро вы не оставите от бедной таверны камня на камне. Мне придется пойти по миру с протянутой рукой!

– В которой будет зажат длинный меч, – Проныра развел руки в стороны, наглядно показывая величину клинка. – Дабы ни у кого из встреченных на глухой лесной дороге путников не возникло сомнений – перед ними несчастная обобранная женщина, мечтающая только о парочке медных монет.

– Золотых, – серьезно поправила тавернщица. – Неужели ты всерьез полагаешь, что мне хватит пары каких-то жалких медяков?

– Смотря для чего...

– Между прочим, вы даже не подозреваете, какую услугу нам оказали! – с заднего двора явился Ши, строивший чрезвычайно загадочную физиономию.

– Гуси превратились в летающих свиней, курицы – в павлинов, утки сами начинились фисташками и изжарились, – меланхолично предположил Аластор.

– Гораздо хуже, – фыркнул Ши. – Идите посмотрите!

Уставшее и заполучившее свое угощение общество никуда идти не хотело. Ши хихикал и уверял, что на случившееся стоит взглянуть. Первой не выдержала и поднялась со скамьи Феруза, пробормотав, что любопытство губит не только кошек. За ней потянулись остальные.

Обещанное зрелище, впрочем, стоило краткой прогулки по черному ходу таверны.

Там, где прежде торчал сколоченный из невесть где прибранных досок и перекошенный на левый бок нужник, теперь красовалась выкопанная в песчаном грунте глубокая яма. Окруженная пыльными лопухами, со слегка осыпавшимися краями, абсолютно пустая, сухая и чистая. Джай, в последние дни переставший доверять собственному зрению, осторожно приблизился к оплывшему срезу и носком сапога спихнул вглубь подвернувшийся камешек. Тот послушно канул вниз, вскоре долетел глухой звук удара.

– А жезла, который мы туда уронили, не видно? – Кэрли, вытянув шею и стараясь держаться подальше, боязливо заглянула в яму.

– Отсюда не разглядеть, – отозвался Ши. – Можно попробовать спустить вниз фонарь на веревке... или слазать кому-нибудь.

– Ты не хочешь? – любезно предложила тавернщица. Воришка замотал головой и на всякий случай сделал пару шагов назад, поближе к спасительной двери черного хода.

– Благодарствую, меня уже пытались туда отправить.

– Тогда в самом деле раздобудь лампу, – распорядилась Лорна. – И бечевку подлиннее и покрепче. Глянем, не завалилось ли там чего полезного.

Надежды не оправдались – глинистое дно вопиюще пустовало. Хисс и Кэрли быстро потеряли интерес к розыскам и, пошептавшись, улизнули из таверны по своим делам. Аластор вежливо-ехидно осведомился, как Лорна собирается использовать яму, чудесным образом очистившуюся от непривлекательного на вид, цвет и запах содержимого? Не следует ли теперь считать это место благословенным, распушить побольше слухов и брать деньги за разрешение хоть одним глазом увидеть небывалое?

Бритунийка привычно отругнулась и задумалась. Таверна лишилась нужника, зато обзавелась подозрительной яминой. Куда в ближайшее же время наверняка свалится какой-либо из постояльцев, находящийся в помраченном состоянии ума и духа. Придется вернуть яме ее первоначальный смысл: взять доски, гвозди,

пилу и соорудить новый нужник.

Идею не одобрили. Вернее, дружно согласились с тем, что не годится оставлять посреди двора эдакий провал, однако каждый вспомнил о неотложном и срочном занятии. Ши поступил проще всех, откровенно заявив: физическая работа ему претит и вообще он в жизни не держал в руках ничего, хоть отдаленно напоминающего молоток.

- Найми кого-нибудь, - посоветовал воришка.

- Как крушить все подряд, так они первые. Как сколотить пару досок - позовите дядю, - немедленно заворчала тавернщица. - Дядя-то за «спасибо» трудиться не станет... Кто, между прочим, бросил туда треклятую штуквину?

Ши сделал вид, будто страдает врожденной глухотой и не понимает намеков.

- Я сделаю, - обозначил свое присутствие как обычно помалкивавший и пристально наблюдавший за приятелями Малыш.

- Во-во! - с готовностью поддержал Ши. - Пусть это отродье полуночных снегов принесет хоть какую-то пользу!

- От него в любом случае пользы больше, чем от тебя, - отрезала Лорна. - Вот что, дорогие мои. Шли бы вы отсюда куда подальше и возвращались вечером. А лучше - не показывались до следующего утра.

- За что такая немилость? - жалобно заныл Джай.

- Хватит с меня разрушений. Кто знает, что вы пожелаете разнести в следующий раз?

- Очень правильное решение, - согласился Аластор, увлекая за собой Ферузу и Джая. Ши, рассудив, что нет ничего приятнее, чем созерцать работу, которую выполняет за тебя кто-то другой, решил пока задержаться. Нельзя же упускать отличный повод позубоскалить над Малышом?

– Ши, – Аластор задержался в дверях черного хода и жестом подозвал воришку. Огляделся, убедившись, что Лорна и мальчишка-варвар увлеченно громяют в сарае досками и кусками жести, отыскивая подходящий материал для постройки, и негромко попросил: – Ты не мог бы оказать мне одну услугу?

– Всегда пожалуйста. Кого надо убить?

– Пока никого, – взломщик рассеянно забарабанил пальцами по облупившемуся дверному косяку. – Разузнай для меня последние городские новости. Кажется, ветер доносит запах большой наживы...

– Кодо и Назирхат что-то затевают? – на лету перехватил недоговоренную мысль Ши.

– Понятия не имею, – чуть разочарованно признался Аластор. – Он хотел узнать, занят ли я в ближайшие три-четыре дня и можно ли рассчитывать на мои услуги. Вел себя необычайно вежливо, отпустил пару крайне нелестных замечаний в сторону своего покровителя и, надо отдать ему должное, ничего толком не сказал.

– Набирают людей для крупного дела? – предположил Ши и сам возразил: – Тогда непременно пошли бы слухи. В Шадизаре невозможно долго хранить секреты.

– Потому я и хочу, чтобы ты держал уши открытыми. Кстати... – Аластор помолчал, обдумывая какую-то мысль. – Из недомолвок Кодо я понял, что понадобятся несколько человек. Ты пошел бы со мной?

– Я с замками не работаю, – напомнил Ши, хотя первым его побуждением было крикнуть: «Конечно, пойду!» и он едва успел прикусить язык. – И мы не знаем, во что нас втягивают. Надо разузнать, о чем болтают на улицах.

– Конечно, – согласился Аластор, мотнув черными локонами. – Так в случае чего я могу на тебя рассчитывать?

– Ага.

Взломщик кивнул на прощание и ушел, оставив Ши развлекаться предположениями – не грянут ли в Городе Воров интересные времена, а если грянут, то как бы оказаться среди участников будущих событий? Любопытно, куда сбежала ожившая часовня и чем собирается заняться? Не проповедовать же обитателям Шадизара свое учение? А что, замечательное получится сооружение – храм, который сам себе жрец! Надо уговорить Малыша пошарить по окрестным кварталам, поискать беглый нужник. Вряд ли тот далеко ушел – даже восемь здоровенных ног не смогут долго таскать на себе увесистую мраморную глыбу. Наверняка обосновался где-то поблизости.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Охотники за сокровищами

– Интересно, куда подевалось то, что бултыхалось в яме? Не испарилось ведь, в самом деле? И жезл тоже сгинул...

– Ничто не пропадает бесследно. Если исчезло отсюда – объявится где-нибудь в другом месте.

– Хочешь сказать, в каком-нибудь квартале с небес обрушится большая куча?..

– Ага.

– Вот кому-то не повезет... Значит, палочка тоже будет в этой куче?

– Может будет, может нет. Кто ее знает, что это за палочка. Сначала привела к нам этот летающий пузырь с зубами, потом наводнила таверну лысыми синими кошками и скорпионами в клеточку...

– В полосочку.

– Хоть в горошек! Скорпионы с крыльями равнозначны явлению розовых летающих овец! И гляди, чем закончились превращения – часовней с болтливым Голосом внутри.

– Ты понимаешь, о чем он толковал? Я, признаться, ровным счетом ничего. Заумь какая-то.

– Как в любой религии. Главное – побольше зловещих и непонятных слов, дабы запугать непосвященных и внушить им почтение. Великий Дух Нужника да пребудет с вами! Трепещите и внимайте!

– Между прочим, Ши вчера вечером на радостях выплеснул в бедный нужник полкувшина шемского. Может, оттого Голос так и разобрало, что он вылез из своего угла?

– С шемского, особенно с того, что закупает Лорна, кого хочешь разберет.

– Например, кое-кто из моих знакомых немедля забирается под юбку к первой попавшейся на глаза особе... Как она, ничего? Стоит потраченных на нее стараний?

Хисс сбился с шага, вопросительно покосился на безмятежно созерцавшую сизовато-голубые небеса Кэрли и как можно равнодушнее поинтересовался:

– Ты о чем?

– Будто сам не догадываешься, – презрительно фыркнула девушка.

– В незапамятные времена, когда мы только-только имели несчастье познакомиться, – задушевно проговорил Хисс, – мы заключили определенное соглашение. Ты сама на нем настаивала. Как же оно звучало?.. Ага, вспомнил. Не лезть в личные дела друг друга, если таковые не угрожают нашему общему промыслу. Вполне разумный договор, не находишь? Или ты решила его пересмотреть? С чего бы? Я вроде старался честно соблюдать условия. Помалкивал, когда ты вертела хвостом на все стороны и шлялась с кем не попадя. Или... – он хитро прищурился, – или мы имеем приступ обычной ревности? Ай-ай, дорогуща, ты меня разочаровываешь. Не хватает только, чтобы ты подкараулила Лиа и устроила драку с тяганием за волосы и истошными воплями на целый квартал. Мне, конечно, будет весьма лестно... Однако согласись: скандал – это вульгарно. Ты ведь не обворованная торговка, чтобы визжать, причитать и грозить десятью небесными карами?

Кэрли зло пнула подвернувшийся под ногу камешек и ничего не ответила. Конечно, Хисс прав, зря она затеяла эту перебранку. Сама ничуть не лучше. Кто, спрашивается, ночь напролет любезничал с Ши Шеламом? И нечего ссылаться на излишне выпитое и туман в голове – прекрасно соображала, что делала.

– Так что скажешь? – не отставал Хисс.

– Мы компаньоны и друзья, – нехотя выдавила Кэрли.

– Ими и останемся, – подвел итог Хисс, и, дабы уйти от тягостного разговора, со смешком полюбопытствовал: – Как полагаешь, чем занят беглый нужник?

– Подыскивает местечко для нового жилья и учится быть бродячим проповедником, – с апломбом заявила девушка и хмыкнула. – Если не попадется на глаза особо рьяным последователям кого-нибудь из небожителей, может, и преуспеет.

– В нашем-то городе тысячи и одной веры, где большинству глубоко плевать на богов? – искренне удивился Хисс. – Да хоть объяви себя поклонником ритуального людоедства или всеобщего хождения на голове – никто не обратит внимания. Можно с полным основанием сказать: Шадизар – единственный город в мире, где разрешено все, что не запрещено, а запретов не существует. Признаваемых, я имею в виду, – уточнил он после некоторого раздумья. – Официальные-то попадают, только кто их соблюдает?

Хисс и Кэрли пробирались через торговый квартал Сахиль, краем уха ловя зазывные выкрики торговцев и обрывки утренних сплетен, привычно лавируя между застревающими в узких улицах повозками и мимолетно раскланиваясь со встречавшимися знакомыми. Сахиль, обиталище всяческого рода перекупщиков, купцов, ростовщиков, мастеровых и прочего подобного люда, бурлил обычной жизнью. Свершался бесконечный круговорот денег, услуг, договоров, расписок и товаров, неотъемлемой частью которого являлась парочка мошенников. Их охотничьи угодья тянулись чуть дальше к полудню от Большого Каменного Рынка, в переулках возле длинной улицы Ишлаз – Пергаментной Аллеи, россыпи лавок книжников, антикваров, ювелиров и собирателей редкостей. Как утверждала молва, на Ишлазе можно найти что угодно – от подлинной летописи эпохи Гибели Кхарийской Империи и Ахерона и монеты времен Эпимитриуса до свежееукраденного розового алмаза из королевской сокровищницы Немедии,

почти неотличимого от настоящего.

Сперва в этот замкнутый мирок проник Хисс, питавший необъяснимую тягу к любым старинным вещам – оружию, книгам, амулетам, украшениям и просто безделушкам. Постепенно он заразил тягой к рукописям и подружку, ранее считавшую изыскания в библиотеках уделом согбенных чудаковатых стариков, а ценность книг измерявшую количеством украшений и позолоты на переплетах. Теперь Кэрли научилась довольно уверенно определять подлинность угодившего к ней в руки тома, приблизительное время и место его создания, имя переписчика или автора, стоимость, и самое главное – отыщется ли для находки заинтересованный покупатель с упитанным кошельком. Выслеживание редких сочинений оказалось увлекательнейшим и доходным занятием, ненамного безопаснее обычного мошенничества.

В качестве места встречи с возможными работодателями и любителями пергаментных сокровищ парочка облюбовала таверну «Цветок папируса» – тихое, уютное заведение из числа именуемых «широко известными в узких кругах». Те, кому требовались услуги Хисса и Кэрли, заглядывали сюда, передавая вести через хозяина, и рано или поздно встречались с компаньонами.

Ишлаз выгодно отличалась от прочих улиц города заметным спокойствием: здешние обитатели придерживались разумного мнения, что торопливость не приносит добрых плодов. Молодые люди, подчиняясь общему течению жизни, пошли медленнее, задерживаясь почти у каждого прилавка, разглядывая выставленные на продажу вещицы и заодно узнавая свежие новости.

Таковые в основном посвящались вчерашним событиям на Воловье площади и сорвавшейся церемонии наказания попавшихся воров и мошенников. Очевидцы живописно описывали состояние бешенства, в котором пребывал ныне верховный дознаватель Шадизара, месьор Рекифес. Шептались о возможном суде над шайкой гномов из квартала Чамган, схваченных с поличным при попытке вывести из города награбленное добро, и о том, что поиски главаря жуликоватых карликов, некоего Альбриха, пока ни к чему не привели.

– Он, наверное, сжевал от злости собственную бороду, – язвительно заметила Кэрли, ибо компания из «Уютной норы» могла добавить к рассказам сплетников много захватывающих подробностей, касающихся предприимчивого Альбриха и его делишек. – Удирает сейчас куда-нибудь в сторону Граскааля, честя нас последними словами.

– Я бы не слишком на это надеялся, – отозвался Хисс. – Мы невольно сорвали его планы и поссорили с сородичами. Как бы в его туповатую гномскую голову не закралась мысль о мести.

– Кому, нам? – девушка легкомысленно махнула рукой. – Глупости! Ему намного важнее сберечь свою шкуру, чем отомстить каким-то жалким человеческим отродьям. Ты же знаешь, как подгорное племя относится к людям.

– Ему некуда бежать, – задумчиво протянул Хисс, изучая разложенные на деревянном лотке резные костяные фигурки из Кхитая. – И, по его мнению, виновны в этом мы...

– Да брось, – настаивала Кэрли. – Он давно смылся из Шадизара. Такой тип, как Альбрих, в любую щель без масла пролезет и устроится так, что обзавидуешься.

– Возможно, возможно, – рассеянно кивнул рыжеволосый мошенник, перебирая крохотные статуэтки. Ничего не выбрав, зашагал дальше. Отойдя на пару десятков шагов, ехидно ухмыльнулся, встряхнул кистью и на лету поймал выпавшую из рукава фигурку.

– Жабу спер, – удивилась Кэрли, разглядев добычу – изображение пузатой и чрезвычайно надменной лягушки, сидевшей на листе кувшинки. – Зачем она тебе понадобилась?

– Нравится, – Хисс погладил пучеглазую тварь по спинке.

– Она стоит сущую мелочь, мог бы просто так купить... А, поняла! – девушка обрадованно щелкнула пальцами. – Опять поклонение Великой Жабе, да?

– Какая ты догадливая, просто удивительно, – ядовито ответил Хисс и сунул приобретение в болтавшийся у пояса кошелек. – К твоей сообразительности добавить капельку ума – цены б тебе не было.

Кэрли не обиделась. В конце концов, упоминание о «поклонении Жабе» – одна из распространенных шадизарских насмешек. Жаба или лягушка считалась символом жадности; таким образом, назвав человека «адептом Великой Жабы», ты просто-напросто обзываешь его скрягой. За Хиссом – что справедливо

признавалось всеми его друзьями и даже им самим – водился подобный недостаток. Его подружка частенько страдала тем же недугом. Так, недавно она приобрела по случаю двадцать локтей ядовито-зеленого бархата и теперь ломала голову над тем, куда бы их приспособить. Ей совершенно не требовалось такое количество материи, но ведь отдавали задешево!

* * *

«Цветок папируса» встретил гостей долгожданной прохладой, шелестящими связками трав на стенах, сдержанными приветствиями завсегдатаев и обрадованным кивком хозяина, немедля выудившего из потайного ящика под стойкой увесистый квадратный пакет, тщательно замотанный в холстину и перевязанный тонкими веревочками.

– Велено передать, – с этими словами он вручил сверток Хиссу, присовокупив к нему две помятые оловянные кружки, традиционно заказываемый кувшин туранского «Лунного сияния» и тарелку со свежими медовыми лепешками. – Давненько вы не заглядывали. Заботы, хлопоты?

– Они, проклятушие, – Кэрли забрала блюдо. – Вертимся, крутимся, словно ослы на крупорушке, а толку – чуть.

– Тут с вами повидаться хотели, – таверщик понизил голос и оглянулся. – Странноватый тип, я вам скажу... Поглядеть, так смахивает на последнего нищоброда, но золотишко у него водится, это точно.

– Этот тип не говорил, когда зайдет в следующий раз? – деловито уточнил Хисс, оторвавшись от вдумчивого развязывания веревок на посылке.

– Он тут живет, – с видом человека, открывающего страшную тайну, признался хозяин. – В пристройке на заднем дворе. Позвать?

Двое мошенников вопросительно переглянулись. Возможность заработать есть возможность заработать, а личность нанимателя никогда не имела для них особенного значения.

– Валяй, – решил Хисс.

Они только успели расположиться за отодвинутым в тихий угол столом, который уже привыкли считать своим, как рядом, пристукнув тяжелым дубовым посохом, возникла крайне загадочная фигура. Выцветший и обтрепавшийся по краям желтовато-коричневый дорожный плащ из толстого сукна, низко надвинутый капюшон и скрывавшие лицо многочисленные повязки создавали образ чего-то среднего между митрианским пилигримом и туранским пустынным кочевником. Кэрли уловила идущий от незнакомца причудливый запах – смесь кисловатой выдубленной кожи и сушеных цветков шандры. По ее представлению, так пахли старые книги или мумии. Встревоженная девушка на всякий случай отодвинулась от стола и украдкой проверила спрятанный в складках широкой юбки кинжал.

Голос у неизвестного оказался под стать облику – скрипучий, словно исходящий из горла, натертого песчинками.

– Можете называть меня Леук, – сообщил он, прислоняя посох к стене и присаживаясь напротив озадаченных молодых людей. Кэрли попыталась разглядеть глаза собеседника, но ничего не получилось – они надежно прятались в тени. – Вы – Хисс и Кэрли?

Хисс сдержанно кивнул. Незнакомец ему не нравился. В Шадизаре полно людей, к которым испытываешь неприязнь с первого взгляда, однако тут происходило нечто другое. Леук меньше всего походил на человека, интересующегося рукописями. Он, если на то пошло, вообще не поддавался определению. И вдобавок это имя – в переводе с шемского диалекта не то «Преследователь», не то «Охотник». Наверняка вымышленное, причем с умыслом. Может, не связываться? Но ведь до крайности любопытно, что он намеревается предложить...

– Итак? – не придя к определенному выводу, осторожно и по возможности вежливо начал Хисс. – Чем можем быть полезны?

Из-под тряпок донесся глуховатый смешок.

– Я ищу потерявшуюся вещь, – внятно проговорил Леук. – Меня заверили, будто вы неплохо разбираетесь в старинных книгах. Одна такая была похищена из частной коллекции и затерялась где-то в городе. Вы бы взялись ее разыскать? Предупреждаю, поиск может оказаться долгим и сложным – книгу наверняка неоднократно перепродавали. Если согласитесь, оплату любых расходов я возьму на себя.

– Как давно пропал раритет? – уточнила Кэрли, рассеянно отщипывая кусочки лепешки.

– Около трех лун назад, – немедля отозвался Леук.

– Почтеннейший Леук твердо уверен, что книга до сих пор в Шадизаре? – Хисс задумчиво вращал меж пальцев подобранную на столе тростинку.

Спрятанная под капюшоном голова решительно наклонилась, подтверждая.

– Автор, внешний вид, приметы? – азартно перечислил Хисс. Плевать, кто такой этот замотанный с ног до головы в драное тряпье Леук, главное – как выглядит его золото.

– Книга довольно большая, где-то три ладони длиной и две – шириной, – неторопливо, точно мысленно представляя себе похищенный том, начал описывать Леук. – Переплет выполнен из очень старой черной кожи с зеленоватыми пятнами. Корешок и обложка украшены бронзовыми накладками и застегиваются на два замка. Имя автора не сохранилось, однако на титульном листе имеется надпись – «Россыпь сочных песчинок». Язык... – он на мгновение замолчал, – кажется, древнекофийский, хотя поручиться не могу. Под заголовком рисунок красной тушью и золотом: солнечные часы, тень приближается к полудню. Слева от рисунка, если смотреть на просвет, проступает изображение черепа.

«Наверное, заумный философский трактат», – предположил Хисс, а вслух спросил:

– Приблизительное содержание? На тот случай, если нынешний владелец вздумает поменять обложку.

– Сборник жизнеописаний. К сожалению, мне в точности неизвестно, чьи именно биографии туда включены, – в бесстрастном голосе Леука послышалось слабое разочарование. – Так беретесь за розыск?

– Угу, – небрежно бросил Хисс. – Наши обычные условия: полсотни золотых немедийских ауреев вперед, дальнейшая оплата – в зависимости от обстоятельств. Каждые пять дней мы будем либо заглядывать сюда, либо оставлять весточки о том, как продвигаются дела. Если найдем – триста ауреев новой чеканки. Могут сгодиться и туранские империалы. Устраивает?

Вместо ответа Леук извлек из недр своей пыльной хламиды потертый кожаный мешочек, молча положил его посреди столешницы, встал, забрал посох и, не говоря ни слова, ушел. Посетители «Цветка», мимо которых он проходил, невольно умолкали и неприязненно косились ему вслед.

Нелепая фигура в тяжелом плаще миновала порог таверны и растворилась в солнечном мареве. Кто-то шумно и облегченно вздохнул – кажется, хозяин.

– Однако... – протянула не на шутку удивленная Кэрли. Нагнулась и зачем-то заглянула под стол.

– Ты чего там потеряла?

– Хотела проверить – не сыплется ли из него песок, – серьезно объяснила девушка. – Он похож на оживленного покойника, тебе не показалось? Глянь, что он нам подкинул? Если обжулил – разыщу и выпотрошу!

Хисс несколькими рывками ослабил завязки у горлышка кошель, запустил внутрь два пальца и вытянул тяжелую, тускло поблескивающую монету, слегка обтершуюся по краям.

– Это что? – нахмурилась Кэрли.

– Офирский двуденарий, – Хисс повертел кругляш, прикидывая на вес и оценивая. – Отчеканен в правление короля Атридала Скупца, то есть лет двести пятьдесят назад. У менял и собирателей монет идет по пяти империалов за штуку... – склонив голову набок, он потряс мешочек. – Тут их не меньше десятка.

Девушка без труда подсчитала общую сумму и вытаращилась на своего приятеля. Тот недоуменно пожал плечами.

* * *

Построить деревянную будку в сущности не так сложно – три стены, наклонная крыша, навесная дверь, да еще доска с выпиленной круглой дырой. Убедившись, что Малыш прекрасно справляется без ее помощи, Лорна вернулась в таверну, к привычным обязанностям.

Постояльцы разбежались кто куда – добывать хлеб насущный, плести новые интрижки и собирать на свою голову очередные приключения. Райгарх незамысловато напился и побрел отсыпаться. Ши покрутился на заднем дворе, давая приятелю советы, пока ему не наскучило это занятие и он не смылся в город. Аластор и Феруза тоже исчезли – судя по отсутствующе-счастливому виду этой парочки, здраво рассудила Лорна, они не уйдут дальше дома гадалки, отстоящего на пару кварталов вверх по склону холма, и застрянут там до вечера, если не до следующего утра. Джай куда-то подевался – то ли поднялся наверх, вздремнуть, то ли ушел вслед за Ши.

Заваленный мешками фонтан подавал слабые признаки жизни, плюясь струйками воды. Над Шадизаром разгорался обычный летний день, тягостный и душный. Тавернщица свирепо покосилась на небо – ни единого облачка, нет даже малейшего намека на дождь. Опять жариться заживо. И посетителей не предвидится – кто по доброй воле выберется из дома в такой зной? Вот стемнеет, похолодает, тогда можно рассчитывать на гостей и прибыль.

Лорна наведалась в кухню, лениво поболтала с прислугой, отчитала девчонку-служанку Рилну, разбившую с утра пару тарелок. Захватила кувшин с вином, щедро сыпанула туда дорогих кусочков льда, плавившихся на глазах, и отправилась на задний двор – глянуть на успехи Малыша.

Мальчишка-варвар провозился до середины дня, однако справился с работой намного лучше, чем ожидала бритунийка. Она решила не обращать внимания на то, что дверь нужника висит слегка косовато и не закрывается до конца, равно

как и на другое обстоятельство – строитель позабыл проделать хотя бы маленькое оконце. Мелкие огрехи она исправит сама или поручит Райгарху. В конце концов, самое важное – добрые намерения. Ведь из шайки ее постояльцев, кроме Малыша, никто даже не почесался, чтобы помочь бедной женщине, еле сводящей концы с концами!

– Неплохо, – одобрила владелица таверны. Стоявший рядом Конан глядел на дело рук своих с таким удивлением, будто только теперь осознал, над чем трудился. – Очень даже неплохо. Куда симпатичнее уродины, что торчала здесь раньше... Есть хочешь? Я велю, чтобы тебе чего-нибудь приготовили.

– Лорна, Райгарх здорово расстроился из-за ящерицы? – неожиданно спросил Малыш. Судя по его вопросительному взгляду, ответ имел большое значение, потому Лорна попыталась говорить можно честнее и точнее:

– Он, конечно, огорчился, но не настолько, чтобы считать жизнь прожитой зря. Через пару дней он забудет про свою великую потерю. А что?

– Это я убил Мириану, – смотря куда-то в сторону, с явным трудом признался мальчишка и торопливо добавил: – Я не хотел. Так случайно получилось.

– Бедствие ты наше ходячее, – Лорна не выдержала и фыркнула. – Вечно-то у тебя все кувырком. Пошли, откроешь тайну, как ты прикончил бедную скотинку. Заодно и выпьем за помин ее души.

Повествование вышло недолгим – из-за привычки Конана к немногословности и потому, что рассказывать было особенно нечего. Тавернщица, слушая, изрядно повеселилась, заявив под конец, будто сама давно мечтала избавиться от ящерицы.

– Впрочем, если тебе приспичило искупить вину... – отсмеявшись, заметила она, – можешь добыть для Райгарха какую-нибудь особенную тварь. Только желательно тихую и спокойную. На худой конец, коли не найдешь ничего получше – купи собаку или кошку. Деньги найдутся? – кивок. – Знаешь, где в Сахиле расположен Блошиный рынок? – кивок. – Там продают всяческих редких животных. Сходи, это недалеко. Даже тебе не удастся влипнуть по дороге ни в какую историю. Иди, иди, нечего целыми днями торчать в таверне и маяться от скуки.

– Правда? – недоверчиво уточнил Малыш. Общество «Уютной норы» полагало, что ему пока не стоит соваться в город без сопровождения, дабы по незнанию местных обычаев не натворить бед. Лорна же считала, что мальчишка вполне способен как постоять за себя, так и отличить белое от черного.

Говоря по правде, она просто хотела отдохнуть после на редкость суматошного утра.

* * *

В Шадизаре очень любили двусмысленные загадки. Одна из них гласила: «Если на Зеленном рынке торгуют овощами, на Тряпичном – одеждой и коврами, а на Овечьем – шерстью, то что продается на Блошином?» Кое-кто утверждал, что вшей, блох и прочих захребетников мира насекомых там насчитывается гораздо больше, чем торговцев и расхваливаемых ими животных.

Неписаная заповедь Города Воров гласила: «На продажу годится все, чему отыщется покупатель». Потому с течением времени пришлось создать несколько рынков для живности: уже упоминавшийся Овечий; Лошадиный – с делением на места для породистых скакунов и обычной тягловой скотины; Мясной или Телячий, где по неведомым причинам преобладали свиньи, и, наконец, наиболее шумливый и пестрый – Блошиный.

Сюда стекались привезенные из дальних краев необычные создания природы. Тут любой желающий мог приобрести животных, специально выращиваемых для азартных игр – от бойцовых гусей и петухов до огромных мрачных тарантулов траурно-черного цвета. Здесь торговали дурно орущими павлинами и крохотными радужными птичками из Черных королевств, зеленовато-пепельными стигийскими гадюками, обезьянками, белками, причудливыми туранскими ящерицами и даже яркими рыбками с Вилайета, плававшими в больших стеклянных посудинах.

Продается все, что может быть продано. Только плати.

Побродив между рядами прилавков, Конан слегка растерялся. Обитатели клеток, вольеров и загонов верещали, рычали и щебетали, как оглашенные, явно стараясь перекричать своих владельцев. В различных углах рынка то и дело раздавались отчаянные вопли – либо животное укусило возможного покупателя, неосторожно сунувшего руку в клетку, либо какой-то зверь попытался удрать. Причем сбегали пленники не из стремления к свободе, а ради того, чтобы устроить славную кутерьму и заставить двуногих всласть погоняться за собой.

На глазах недоумевающего Малыша десяток человек с криками преследовал золотисто-коричневого зверька, похожего на упитанную крысу-переростка. Беглец весело шнырял между ящиками и мешками, вызываяще пищал и в конце концов, устав от беготни, добровольно вернулся в место своего заточения. Хозяин животного, узрев «беглую» крысу восседающей посреди клетки и деловито разгрызающей орех, схватился за сердце и рухнул, где стоял. К сожалению, он приземлился на немедленно порвавшийся мешок с семечками и исчез в вихре налетевших прожорливых голубей.

Идей относительно достойной замены Мириане в голову пока не приходило. Можно, конечно, приобрести одного из ее сородичей – вон они, азартно копаются в горке песка посреди большой клетки. Однако Конан уже успел невольно проникнуться всеобщим легким сумасшествием, и сообразил, что появление второй Мирианы особой радости не вызовет. Вдобавок ящерица наверняка не понравится Лорне. Нужно придумать нечто иное.

В какой-то момент он решил, что обрел искомое: внутри шара из мутно-желтоватого стекла шныряли странноватые рыбы – плоские, серебристые, с зловеще-туповатыми мордами и выпирающими зубами. Рыбки лихо выпрыгивали из воды, хватая пролетающих мух и слепней, яростно набрасывались на кусочки мяса, бросаемые в воду, и цапнули за палец зеваку, решившего поиграть с судьбой. К сожалению, кусачие рыбы пользовались спросом и раскупались быстрее, чем пирожки в разгар ярмарки. Малыш застал владельца рыб за лихорадочными попытками изловить маленьким сачком последних.

«Может, в самом деле собаку купить? – прислушавшись, мальчишка отлично различал разноголосый лай, долетавший из Песьего Угла. – Только Лорна без того держит двух, зачем приводить еще одну?»

Маленький загончик из небрежно ошкуренных жердей привлек внимание Малыша собравшейся толпой, удивленными возгласами и громкими

разглагольствованими продавца:

– Такого вы еще никогда не встречали, клянусь здоровьем моей мамы, чтоб она прожила тысячу лет! Сии поразительнейшие твари были с величайшими трудностями и опасностями изловлены не где-нибудь, но в самом Дарфаре – стране кровожадных людоедов! Если бы вы только могли представить, каких трудов стоило доставить их сюда, для развлечения и увеселения почтеннейшей публики, вы не смогли бы заснуть, опасаясь кошмаров!

– А какая от них польза? – скептически заметил кто-то из зрителей.

– Польза бывает от каплунов и хряков, – не замедлил с ответом бойкий торговец. – Эти же творения поражают воображение и заставляют ваших недругов исходить завистью, ибо им негде раздобыть подобное диво!

Толпа уважительно зашепталась. Если у тебя имеется нечто, чему завидуют остальные, значит, ты действительно сумел достичь успеха в жизни.

– Как они называются? – пискнул любопытный детский голосок.

– Что жрут? – добавил процветающего вида купец, за руку которого цеплялась вертлявая накрашенная девица.

– Сколько за штуку? – прозвучал самый главный вопрос, после которого начиналось самое захватывающее действие – торговля.

– В джунглях этого зверя прозывают «пекудо», что означает «носящий доспех», – важно сообщил торговец. – Кормить его следует свежим мясом, птичьими яйцами и фруктами. Кстати, он умеет ловить муравьев, змей и лягушек, отчего-таки приносит некий прок в хозяйстве. Что до цены, почтеннейшие, то...

Окончание фразы Конан прослушал, потому что сумел добраться до загона и увидеть зверя пекудо.

Обитатель дарфарских лесов оказался причудливым существом в локоть длиной, покрытым крупными светло-янтарными чешуйками. Спереди выглядывала лысоватая мордочка с парой блестящих глазок, принюхивающимся носом и

дергающимися ушами, напоминавшими уменьшенные ослиные. Позади волочился длинный хвост, похожий на окованную железом дубинку. Зверьки, числом шесть или семь, пыхтя, быстро семенили по загону, иногда свертываясь в большие шары, задирали друг друга, пытались целеустремленно выкопать нору в окружавших бревнах и выглядели довольно забавно – эдакие живые сосновые шишки.

«Пожалуй, такой сойдет...»

Купец, к восторгу своей спутницы и несомненной выгоде продавца, сторговался на пятнадцати туранских полуимпериалах за животное. Плотный мешок с барахтавшейся внутри покупкой вручили одному из сопровождавших купца слуг (без того нагруженному свертками), дополнив поручение грозным наказом смотреть в оба и беречь пуще глаза.

«Не умеешь спорить о деньгах, поступай проще – набрось немного сверх того, что давал предыдущий покупатель, и постарайся успеть прежде, чем налетят другие желающие. Если держаться достаточно уверенно, подействует», – наставлял подопечного Джай Проныра и совет не прошел даром.

...Следующего зверька, выложив аж целых восемнадцать полуимпериалов, унес хмурый молодой человек варварского обличья – не то охранник из богатого дома, не то вышибала при дорогом заведении, а может, чей-то дружок или просто временно разбогатевший воришка. Продавец заикнулся было разузнать, для каких целей приобретается столь редкостное существо, но, по быстрому рассуждению, решил, что это не имеет особенного значения. Да хотя бы зверя изжарят на медленном огне в репейном масле или запихнут в золоченую клетку и будут хвастаться перед друзьями. Барыш получен до последней монетки, дальнейшая судьба чешуйчатых тварей зависит только от их нового владельца.

Прочих раскупили почти сразу. За последнего давали аж тридцать империалов и он послужил поводом к изрядной ссоре. Обзавестись пекудо желали разряженная в пух и прах содержанка местного богатея и не менее расфуфыренный туранец, величавший себя поставщиком двора Всевластного и Славнейшего Владыки Илдиза. Победил туранец, раскошелившийся на тридцать пять золотых. Красотка презрительно фыркнула и гордо удалилась, не преминув высказать, что она думает о туранцах вообще и в частности.

«В следующий раз надо раздобыть не семь штук этих зверюг, а хотя бы два десятка, – благостно размышлял торговец спустя некоторое время, посиживая в тихой таверне и ласково поглаживая бок непримечательного мешка из серой холстины. – Еще пяток распродаж – и можно обзаводиться домиком в приличном квартале...»

Светлые надежды не сбылись – спустя два дня предприимчивого сбытчика редких животных обокрали.

* * *

Пекудо совершенно не нравилось сидеть в заточении, что он высказывал всеми доступными животному способами – хрюкал, царапался, пыхтел и рвался наружу. Чтобы уgomонить зверька, пришлось спешно купить цыпленка и забросить в мешок. Оттуда раздалось сначала чихание, затем довольное похрустывание. Пекудо перестал метаться и занялся вдумчивым обглаживанием косточек.

Спешить некуда. Подарок куплен, хотя на него ушли все невеликие сбережения. Можно не торопясь пройтись по городу, к наступлению сумерек вернувшись на постоянный двор.

И мальчик-варвар отправился наугад, в самом прямом смысле – куда ноги выведут. Обошел полуденную часть Сахилия, услышал сплетни о новом подвиге летучего Пузыря-с-Зубами (тот сожрал перекладину знаменитой городской виселицы Тетушки Амоны, не побрезговав заодно болтавшимся на ней трупом), поглядел, как уличная стража разгоняет драку возле Каменного рынка, свернул в какой-то переулок и неожиданно очутился на крохотной площади, втиснувшейся между торговыми складами и купеческими домами. Площадь могла похвалиться относительно неповрежденной каменной мостовой и героически выдерживавшими солнечный жар старыми платанами.

В углу площади торчала остроконечная вершина полотняного шатра. Украшавшие его некогда разноцветные полосы вылиняли, но жестяной флажок на макушке не потерял бодрости, многочисленные ленты и фестончики вяло

трепыхались, а шумное скопление людей поблизости доказывало, что происходит нечто любопытное. Пекудо, кажется, объелся и заснул, отчего бы не глянуть на причину сборища поближе?

Под сенью шатра скрывались деревянные подмости. За ними торчал ярко размалеванный холщовый задник, изображавший вид на спускающиеся к морю зеленые холмы, и стояло внушительного вида золотое кресло. Раскинувшийся в нем человек – красная мантия, съехавшая набок жестяная корона со множеством сверкающих камешков – тоскливо внимал яростной перепалке двух женщин. Очередная реплика спорщиц вызвала бурный хохот зрителей и подсказала Малышу, что он видит.

Некогда его новому воспитателю, Джаю Проныре, пришлось потратить немалое количество времени, слов и нервов, растолковывая подростку из дикарских краев смысл такого простого и привычного в Заморе, равно как и иной цивилизованной стране развлечения, как лицедейское представление. Для Конана не существовало четкого различия между вымышленным и действительным. Поначалу он твердо верил, что происходящее на сцене есть кусок обыденной жизни и льющаяся красная краска – настоящая кровь...

Отчаявшись вдолбить что-либо в тупую варварскую голову, Джай обратился за помощью к Аластору.

Взломщик отнесся к просьбе неожиданно серьезно и сумел подобрать нужные слова, объяснив Малышу, как нужно воспринимать игру актеров и почему нельзя вмешиваться в ход показываемых событий. Мальчишка внимательно выслушал, поблагодарил, однако для себя решил, что подобные увеселения ему не нравятся. Слишком правдоподобные для выдумки. Однако коли в городах принято смотреть такое – он постарается привыкнуть и разобраться, что к чему.

Действо шло своим чередом и, когда присмотришься, оказалось вполне понятным. Человек в кресле – судья. Толстуха в розовом – добродетельная мать семейства, возмущенная тем, что ее соседка содержит тайный веселый дом. Красотка в зеленом и черном – обвиняемая, которая отнюдь не собирается признавать свою вину. Дамы орали друг на друга, пока судья не треснул по ручке трона и не велел спорщицам замолчать. Огласили приговор: бордель разгоняется, его хозяйка отправляется за решетку. Вышли стражники и увели продолжавшую возмущаться женщину.

Картина с морским берегом сменилась нарисованной каменной стеной с зарешеченным окошком – надо полагать, тюрьмой. Содержательница, закутанная в драный плащ, металась от стены к стене, с жаром доказывая, сколько благодеяний она оказала бедным девушкам, трудившимся у нее, и сколь несправедлива жизнь. Отчаявшись, женщина бухнулась на колени и воззвала к Покровительнице Любящих – Иштар.

Позади тряпичного задника громыхнул раскат грома (поленом по медному листу), стена раздвинулась и в камеру снизошла богиня – как положено, вся в белом, с венком из роз на голове и потрепанным чучелом голубя в руке. Ее приветствовали смешками и радостным улюлюканьем. Иштар принялась сердито отчитывать свою поклонницу: сначала за то, что та отвлекает небожительницу всякой ерундой, затем – за неумение вести дела, не попадаясь.

Содержательница послушно кивала головой, обещая впредь быть осмотрительнее, публика кричала что-то одобрительное, Малыш тоскливо недоумевал. Кажется, в этом городе вообще не существовало такой вещи, как уважение к богам. Обитатели Шадизара считали, что их небесные покровители вечно заняты другими хлопотами и не обращают внимания на выходки людей. Богов всегда можно задобрить богатым пожертвованием храму или громким покаянием, украдкой продолжая их высмеивать.

– ...И последний совет, дочь моя, – актриса, изображавшая Иштар, кокетливо поправила сползший набок венка, – не вздумай опять именовать свое заведение тем, чем оно является. Это так – фи! – по-плебейски и так – фи! – вульгарно.

– Как же мне его назвать? – удивилась хозяйка. – Бордель – он и есть бордель, какое наименование ему не давай.

– Нет-нет, – богиня наставительно покачала указательным пальцем. – Я имела в виду совсем другое! Ты должна позаботиться, чтобы все думали, что ты, допустим, содержишь приют для сирот... или вышивальную мастерскую... или помогаешь небогатым девицам найти подходящих женихов... В общем, что-нибудь приличное и благопристойное. Благопристойность и незаметность – вот что я ценю больше всего, моя милая! Всегда помни об этом, и не пропадешь! А чем вы там занимаетесь – какое мне дело?..

Позади Малыша звонко и искренне расхохотались, захлопав в ладоши. Не выдержав, он оглянулся.

Возле шершавого ствола платана стояла девица. Обычная шадизарская девчонка – лет восемнадцати или побольше, скорее всего из торгового сословия, в меру подкрашенная, одетая без особой роскоши, но и не серая мышка, с корзинкой на локте и легкомысленной улыбочкой. Гладкие волосы цвета бронзы вспыхивали на солнце красноватым отливом, из-под вытянутых к вискам бровей на мир взирали беспечные светло-фиолетовые глаза с темными крапинками.

Джай, Ши или Хисс без колебаний отнесли бы девицу к числу «хорошеньких», причем Ши непременно потащился бы за ней следом в надежде завязать знакомство. Аластор, поглядев на незнакомку, изрек бы задумчиво: «В ней что-то есть...». Лорна назвала бы ее сметливой вертихвосткой. Кэрли почувствовала бы родственную душу – тяготеющую к легкому обману, игривому флирту и житию за чужой счет. Феруза... Впрочем, кто знает, что сказала бы Феруза?

Конан, не обладавший опытом своих друзей, видел только хихикающую над представлением девчонку.

Затихший пекудо даже нарочно не смог бы выбрать лучшего момента для рывка к свободе. Очевидно, он занимался тем, что старательно расширял обнаруженную в углу мешка дырку. Тяжкий труд завершился полным успехом. Холст затрещал, зверек вывалился на камни мостовой, встряхнулся и на удивление быстро заковылял в сторону шатра.

– Ой, – растерянно сказала девица, когда мимо нее процокало коготками непонятное создание, и на редкость пронизательно заметила, обращаясь к замешкавшемуся Малышу: – Это твой? Он сейчас убежит!

– Сам вижу, – огрызнулся мальчишка. Пекудо, словно издеваясь, прокладывал путь к скоплению зрителей, где шанс поймать его становился ничтожнее песчинки.

– Стой, никуда не ходи, не вздумай спереть мою корзинку – там все равно ничего нет! – с этими словами девушка отшвырнула корзину (в ней что-то разбилось) и рванула вслед за удравшим зверьком. Они поочередно врезались в толпу и исчезли, сопровождаемые недовольным ворчанием тех, кому наступили на ногу или толкнули в бок.

Оставшемуся в одиночестве Малышу выпало подобрать корзину, из которой вытекла тонкая молочная струйка, и ждать, почти не надеясь ни на возвращение девицы, ни на обретение смывшейся зверюги.

На смену невнятному бурчанию пришли раздраженные выкрики – преследовавшая четвероногого беглеца незнакомка вошла во вкус, прокладывая себе дорогу локтями и пинками. Донесся отчаянный визг, затем цветастое и заковыристое изречение, сулившее мучительную смерть тем, кто устраивает тут гонки за мерзкими тварями. Шум, сопровождавший перемещения охотницы, добрался до подмостков, заставив актеров прерваться и взглянуть, что происходит. Вспыхнула какая-то возня, и все затихло.

«Наверное, Лорна права – мне всю жизнь суждено влипнуть в дурацкие передряги...»

Запыхавшаяся девчонка вынырнула из людского скопища, как выдра из речного омута. Мало того, у нее на руках лежал свернувшийся желтоватым клубком пекудо!

– Поймала! – торжествующе доложила она. Изумленно поглядела сначала на зверька, потом, еще более изумленно – на Малыша, и снова на животное. – Слушай, если не секрет, зачем тебе...такое? И что это?

– Подарок, – брякнул Конан. Девица склонила голову набок и вопросительно помахала ресницами:

– Подарок?.. Ладно, каждый сходит с ума, как умеет. Только в награду за то, что я носилась за этой тварью, мы сейчас пойдем куда-нибудь, где есть тень и где продают что-нибудь холодное, и ты мне все-все расскажешь – откуда взялась эта тварюшка, кто ты такой и по какому поводу преподносят столь странные дары. И вдобавок придется купить новый мешок, если ты не собираешься снова ловить своего зверя по всему городу.

– У тебя кувшин с молоком разбился, – неожиданно для самого себя проговорил Малыш. Девица пренебрежительно отмахнулась:

– Со мной вечно что-то случается, не обращай внимания... Кстати, если интересно – меня зовут Диери. Диери Эйтола.

Она слегка подбросила чешуйчатый шар и выжидательно уставилась на нового знакомого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Смятение от безответной любви

Большие неприятности всегда начинаются с мелочей. Таков пакостный закон жизни, о котором частенько забывают.

Впрочем, как можно безошибочно отличить мелочь, ведущую к катастрофическим последствиям, от мелочи, возможно, сулящей выгоду?

– Ши! Ши, погоди, не удирай! – оклик застиг воришку на пороге таверны. Поскольку голос принадлежал Ферузе, свесившейся через перила верхней галереи, Ши послушно замер и вкрадчиво поинтересовался:

– Чего тебе надобно, звезда предсказаний и луна среди гадалок? Если ты желаешь, чтобы я избавил тебя от присутствия этого зануды Альса, то извини. При всей пламенной любви к тебе, мне крайне дорога собственная никчемная жизнь.

– С Аластором я как-нибудь сама управлюсь, – пообещала Феруза, сбегая вниз. – Сделай одолжение – пристрой куда-нибудь эту штуковину.

С этими словами она вытащила спрятанный в складках халата предмет, сперва принятый Ши за обычный апельсин. Однако плод хрустально поблескивал, отражая солнечные лучи, и при ближайшем вдумчивом рассмотрении оказался небольшим флаконом, наполненным густой ярко-оранжевой жидкостью.

– Подарили, теперь ума не приложу, что с ним делать, – жалобно сказала Феруза. – Кажется, это ароматическое снадобье, но мне такого количества хватит до конца жизни... Да и запах у него, признаться, не в моем вкусе – чересчур резкий. В общем, я взяла себе немножко, не пропадать же остальному

зазря. Хочешь – продай, а лучше подари Элате, пусть разделит между приятельницами из этого, как его...

– «Золотого павлина», – напомнил Ши. Упомянутая Элата подрабатывала в этой таверне танцовщицей и считалась более-менее постоянной подружкой Ши. – Ладно, только ради тебя, – он забрал на удивление холодный флакон и, поразмыслив, опустил его в болтавшуюся на поясе сумку. Иногда приятелям Ши Шеламу начинало вериться, что небольшой кожаный кошелек на самом деле способен вместить содержимое целой лавки, ибо Ши умудрялся забить его многообразным барахлом в количествах, превышающих любые разумные представления.

– Спасибо! – пропела Феруза и улизнула наверх. Ши запоздало вспомнил, что надо бы спросить у туранки, кто преподнес ей эту безделушку и как она попала к дарителю. После случая с золотым жезлом он начал испытывать смутную тревогу в отношении неведомо откуда берущихся вещей. Флакон, впрочем, не спешил превращаться в дракона или ядовитую змею, послушно оставаясь искусной хрустальной поделкой. Ши вытащил плотно притертую пробку в виде зеленого листа, понюхал и скривился – действительно, запах еще тот. Элате и ее подружкам, впрочем, может понравиться. В таверне как раз нужен аромат, способный перебить прочие запахи.

Ши наведалься на задворки, к усердно трудившемуся Малышу. Горя искренним желанием помочь, дал совет: использовать трофейную добычу – огромный страховидный меч, притащенный мальчишкой из своего прошлого – утверждая, что клинок зазубрен ничуть не хуже пилы. Малыш, относившийся к своему бесполезному оружию едва ли не с благоговейным трепетом, неразборчиво и злобно огрызнулся. Довольный Ши прошлепал по высыхающим лужицам переднего двора, помахал выглянувшей в дверь Лорне и выскочил на улицу, размышляя – чем бы заняться и заодно развлечься? Похороны ящериц не способствуют улучшению настроения.

Отправляться в «Золотой павлин» прямо сейчас не имело смысла: до наступления вечера там закрыто. Ши похлопал себя по потайным карманам, проверяя, не забыл ли он еще одно подношение для Элаты, которое должно сделать ее намного сговорчивее и куда ласковее. Маленький сверток лежал на месте.

Подумав еще немного, Ши вспомнил о том, что обещал Аластору разнюхать, какие слухи носятся в пропитанном дымами от жаровен, специями, пылью и сладковатой вонью городском воздухе. Рыбу ловят на глубине, антилопу подстерегают возле источника, наивернейшие последние новости из жизни слабых и сильных мира сего узнают в тавернах подле Большого Каменного рынка.

Прогрохотав по двумстам с небольшим жалобно скрипящим ступенькам Старой лестницы, Ши Шелам бесследно растворился в переулках города, которые многие именовали «зловонной ямой на лике земли», зато сам он считал хорошим местечком для житья.

* * *

Мельница сплетен крутилась непрерывно, однако не принесла Ши ничего, стоящего внимания. Он позлорадствовал над судьбой угодивших в тенета людского правосудия гномов, мимолетно прикинул, где может сейчас находиться Альбрих, и, заглянув в очередную таверну, наткнулся на знакомую личность.

– А говорили, что ты на постое в Алронге, – удивился Ши.

– Почти не соврали, – кивнул собеседник, молодой человек, по обличью и выговору – туранец. – Два дня назад выставили – спасибо беспорядкам на Волосьей. Ты случайно не знаешь, что там стряслось?

– Случайно знаю, – к удовольствию оказавшихся поблизости посетителей, Ши поведал ту часть истории, к каковой имела непосредственное отношение Компания из «Уютной норы». Рассказ пользовался успехом и вознаграждался бесплатным угощением. Мейгелена, как звали приятеля Ши, такого же уличного ворюгу и мошенника, весьма позабавило упоминание о подростке-варваре по прозвищу Малыш – как выяснилось, они были соседями в камерах тюрьмы Алронг и мальчишка произвел на собратьев по несчастью весьма благоприятное впечатление.

– Слегка упрям, как все варвары, но сообразителен, – вынес решение Мейгелен. Ши согласился, чуть заплетающимся языком подтвердив, что Малыш именно таков, но есть надежда, что заботами друзей он перевоспитается во что-нибудь приличное.

После того, как на столе появился третий или четвертый кувшин, хозяин таверны прислал служанку, сварливо заявившую, что здесь приличное заведение, а не какой-то притон, и не угодно ли молодым людям удалиться. Молодые люди для поддержания репутации немного повозмущались, расплачиваясь, украдкой подсунули служанке фальшивый серебряный талер, и ушли, чувствуя себя победителями.

На соседней улице парочка заметила нечто любопытное и остановилась поглазеть. Здесь располагался туранский постоялый двор, и потому неудивительно, что возле него частенько встречались верблюды – привязанные возле кормушек и поилок, разгружаемые, навьючиваемые и неспешно отправляющиеся в дальний путь.

Такого представителя верблюжьего племени ни Ши, ни Мейгелену видеть еще не приходилось. Здоровенная мрачная тварь, зыркающая по сторонам налитыми кровью глазками, с душой, наверняка такой же черной, как косматая шкура цвета безлунной ночи над Стигией. Скверность характера животного удостоверяли уздечка с шипами, намордник, болтавшаяся на шее тяжеленная цепь и то обстоятельство, что поблизости не замечалось его собратьев.

– Ого, – восхитился Ши и тоном знатока заявил: – Бишаринская грузовая порода.

– Сам ты бишаринец, – невежливо откликнулся Мейгелен. – Это самый настоящий мулаид. Кусачий, лягучий и вонючий мулаидский верблюд. Близо не подходи – затопчет.

Словно услышав людские слова, зверь повернул голову и смерил приятелей столь надменным взглядом, как иному царедворцу изобразить не по силам. Мейгелен состроил ему рожу и потянул дружка за собой, но Ши не двинулся с места. На него снизошло вдохновение.

– Тебе не кажется, что бедное животное страдает от жажды? – спросил он приторно-заботливым голосом. – Ну-ка, добудь ведро с водой!

В иное время туранец, знавший неумеренную страсть Ши ко всяческого рода розыгрышам, насторожился бы, но сейчас его умение быстро соображать несколько притупилось. Мейгелен размахисто кивнул, огляделся в поисках искомого предмета и позаимствовал таковой у ближайшей водопойной колоды.

– Та-ак, – Ши пристально осмотрел жестяной сосуд, наполненный мутноватой жидкостью, вытащил хрустальный флакончик и, поколебавшись, тщательно вылил в ведро с полтора десятка оранжевых капель. Мейгелен, наблюдавший за процессом затаив дыхание, осведомился:

– Что за отрава?

– Представления не имею, но, думаю, ему понравится, – Ши закупорил склянку, поднял ведро и осторожно, бочком, приблизился к верблюду. – Эй, зверюга! Угощайся, пока я добрый! Давай-давай, глотни водички...

Животное подозрительно обнюхало ведро и его содержимое, сунуло морду внутрь и неожиданно принялось шумно лакать, фыркая и хлюпая языком. Ши облегченно вздохнул – его расчет оказался верным, ремни намордника не мешали верблюду пить.

Расправившись с подношением, мулаид внезапно качнулся, прислонившись к забору и часто икая. Потерявшиеся в густой шерсти глаза приобрели осоловелое выражение, как у запойного пьяницы.

– Он точно не отравится? – забеспокоился Мейгелен. – Они ж дорогие, сволочи, потом шуму не оберешься...

Верблюд внезапно ожил, проявив несвойственную ему игривость – отвесил пинка ведру, со звоном улетевшему вдаль по переулку, попытался встать на задние ноги, чему помешала натянувшаяся цепь, и издал звук, похожий одновременно на кудахтанье несущейся курицы и визг свиньи на бойне. Затем принялся ожесточенно дергать цепь, приковывающую его к стене.

– Пожалуй, стоит подыскать местечко подальше, – Ши поспешно, хотя и не слишком ловко вскарабкался на карниз соседнего дома. Мейгелен последовал за ним, гадая, какими будут дальнейшие поступки черного двугорбого зверя.

Четвероногое, кажется, слегка помешалось. Оно безуспешно укусило привязь, проскрежетав зубами по звеньям. Развернулось головой к забору и начало пятиться, явно намереваясь любой ценой отделаться от цепи. Ши подбадривающе засвистел. Верблюд запыхтел, удвоил усилия – и ему повезло.

На славу откованная цепь выдержала, зато лопнуло крепление широкого ошейника, украшенного длинными шипами. Мулаид от неожиданности отлетел назад, по-собачьи сев на подогнувшиеся задние ноги. Убедившись, что больше ничто не держит его возле опостылевшей стены, зверь поднялся, энергично встряхнулся и оглушительно взревел. Мейгелен скривился и зажал уши.

Вопли животного не пропали втуне. Переулок внезапно наполнился крайне обеспокоенными людьми, а Ши счел нужным увеличить панику, проорав: «Ваша тварь взбесилась!»

В сущности, он был недалек от истины.

Вместе с ошейником верблюд избавился от уздечки и намордника, так что теперь ничто не препятствовало ему вволю плевать и кусаться. Обретший свободу зверь пинал любого, оказавшегося в пределах его досягаемости, целеустремленно пробиваясь к выходу из проулка. Помешать ему не смог даже явившийся на шум погонщик верблюдов со страховидным кнутом, самоуверенно заявивший, что сейчас проучит строптивую скотину. Мулаид изловил нахала за воротник халата и с видимым удовольствием швырнул через забор. Ши и Мейгелен приветствовали полет залихватским свистом и издевательскими напутствиями.

Расчистив дорогу, верблюд неспешно потрусил на поиски приключений, оставив позади охающую, причитающую и угрожающую кучку туранцев, возглавляемую бывшим владельцем животного.

– За ним, за ним! – торжественно провозгласил Ши и сиганул с крыши, едва не приземлившись на чью-то голову. – Извините, мы спешим. Бешеный верблюд на мирных улицах Шадизара – зрелище, достойное внимания!

Черная косматая зверюга разнесла аккуратно сложенный у выхода из переулка штабель бочек, рывкнула на высунувшегося из-под ворот пса и, высоко поднимая

ноги, промаршировала дальше. Двое проходимцев следили за ним, прячась за углами домов.

* * *

Возможно, странствия удравшего верблюда по городу не закончились бы столь ужасающе. Возможно, на следующем перекрестке его бы удалось подманить горсткой фиников или загнать в тупик, а там набросить аркан. Однако сегодня звезды указывали на возникновение непредвиденных обстоятельств и благоприятствовали устройению кутерьмы.

Мулаид, вслед за которым в почтительном отдалении следовали караванщики и разъяренный хозяин, замер как вкопанный. Зверюга, вытаращив глаза, уставилась на другое живое создание.

На лошадь.

И не просто на обычную тягловую клячу, а на нервно приплясывающую, тонконогую кобылку буланой масти, золотистую, черногривую и наверняка обладательницу родословной, чья длина не уступала протяженности Дороги Королей. Кобылка со скучающе-жеманным видом топталась подле крытой коновязи, пребывая под бдительной охраной двух угрюмых типов, больше похожих на грубовато обтесанные каменные блоки. Коновязь принадлежала дорогой и известной таверне «Коринфские сады», и, надо полагать, владелец лошади в данный момент гостил в этом заведении.

Верблюд вытянул шею, тоненько для такого крупного животного пискнул и едва ли не на цыпочках начал подкрадываться к ничего не подозревающей кобыле. Из приоткрытой пасти зверя пузырящимися хлопьями стекала грязно-белая пена, морда приобрела совершенно отсутствующее и идиотское выражение.

– Чего это с ним? – удивленно спросил Ши.

Спустя мгновение ответ пришел сам собой. Мулаид ринулся вперед, сокрушая любые преграды. Буланая лошадь, почуяв неладное, оглянулась, увидела

несущееся прямо на нее черное чудовище, прижала уши и пронзительно завизжала. Ее сторожа предприняли рискованную, но безнадежную попытку остановить неведомо откуда взявшегося монстра, за что поплатились – верблюд, даже не задерживаясь, свалил одного и хватанул другого за плечо внушительными желтыми зубами.

Смекнув, что пора самой позаботиться о себе, кобыла сделала свечку, оборвав тонкий повод, развернулась и лихо заехала мулаиду в бок обеими задними ногами. Блеснули шипы на легких подковах, нападающий утробно охнул.

Оскорбленный в лучших чувствах верблюд попятился, фыркая, сопя и мелко тряся головой – точь-в-точь подвыпивший и обнаглевший стражник, попытавшийся пристать к дворянке и получивший высокомерный отказ. Доказывая свое решение, золотистая кобылица злобно оскалилась и вызывающе топнула передней ногой.

– Так его! – проорали из успевшей собраться вокруг толпы. – Поддай еще разок!

– Что, говоришь, налито в этой скляночке? – задушевно осведомился Мейгелен. – Кстати, там, где ты ее раздобыл, не найдется второй такой же?

– Моя лошадь! – возмущенно охнул человек, появившийся на пороге таверны. – Эй, немедленно отгоните эту грязную тварь от моей лошади!

Ши, узнав голос, беспокойно заерзал. Такой оборот событий его никак не устраивал. Скажите на милость, почему из тысячи шадизарских таверн этому типу понадобилось явиться именно сюда? И, само собой, поблизости маячит его верная тень, не слишком жалующая некоего Ши Шелама.

– Ой-ей, – процедил Мейгелен, тоже заметив новых действующих лиц. – Это почтеннейший Назирхат и Кодо Гроза Должников, если мне не изменяет зрение? В таком случае пора сматываться. Мне бы не хотелось очутиться в шкуре виноватого.

– Не тебе одному, – Ши отступил на шаг, потом другой, юркнул за выступ дома. – Они в жизни не станут разбираться, кто прав, кто виноват, – он не удержался и гнусно хмыкнул: – Бедная лошадка.

– Может, она впервые в жизни счастлива, – серьезно возразил Мейгелен. – Ты только глянь!

Верблюд, сообразив, что грубые наскоки ни к чему не приведут, сменил тактику и начал оттеснять столь поразившую его скудное звериное воображение кобылу в угол двора. Та заметалась, ища пути к бегству. Ей не хватало места, чтобы повернуться и снова лягнуть нахала, а на ее укусы он не обращал внимания. Назирхат уль-Вади яростно орал на хозяина верблюда, диковатого вида туранца, требуя прикончить паршивую скотину. В ответ неслись проклятия злым духам, вселившихся в несравненное животное. Кодо, убедившись, что его подчиненные ни к чему не способны, разумно предпочел не связываться с обезумевшим зверем, а подождать.

Буланая лошадь, угодившая в ловушку, тоскливо заржала. Косматый мулаид, от которого за добрый десяток шагов несло острым мускусным запахом, прижал ее в углу между стеной таверны и коновязью, и попытался взгромоздиться сверху. Разгневанная кобылица отпихнула его. Черный верблюд оскорбленно заревел, брызгая слюной, и ринулся на приступ, к величайшему сожалению для лошади, увенчавшийся полным успехом.

Толпа изумленно притихла, если не считать раздававшихся то тут, то там изумленных смешков – такое событие было внове даже для Шадизара. Назирхат, кажется, напрочь потерял дар речи. Драгоценная золотистая кобыла стояла с видом полной покорности судьбе, иногда протестующе взвизгивая, верблюд оглушительно хрипел, дергался и с небывалым прилежанием осуществлял свои незамысловатые желания.

– Интересно, что может родиться от такого союза? – потрясенно выговорил Ши. – Лохматая лошадь с горбами? Лысый верблюд?

– Ши Шелам? – голос прозвучал, точно напоминание о неотвратимости возмездия. – Это твоих рук дело?

Ши поднял взгляд, увидел стоящего в паре шагов Кодо, отчаянно жестикулирующего из-за его спины Мейгелена, и соорудил физиономию невинно оскорбленного праведника:

– Знаешь, Кодо, если у лошади уль-Вади такие странные вкусы, то при чем здесь я? Или ты решил вешать на меня вину за любые свои невзгоды? Так я тебе скажу...

Громила не пожелал тратить время на дальнейшее выяснение отношений, сплюнул и отправился заниматься делом – успокаивать оскорбленного до глубины души покровителя и спасти то, что осталось от лошади.

Парочка мошенников украдкой скрылась, не дожидаясь развязки драмы.

* * *

Через пару кварталов приятели, не сговариваясь, свернули под навес винной лавки, плюхнулись на расшатанную скамью и ошеломленно уставились друг на друга. Ши бережно достал флакончик, послуживший причиной такой суматохи, и водрузил перед собой. Оранжевая жидкость с редкими красноватыми блестками заполняла еще около трех четвертей склянки.

– Коварная штукавина, – сказал Мейгелен, протянув руку к флакончику, но не рискнув дотронуться. – Кое-кто отдал бы немало красивых блестящих монеток за пару капель такого зелья...

– Вдруг оно действует только на животных? – высказал предположение Ши. – Или вызывает у любого неумеренную тягу к лошадям?

– Верблюду незаслуженно повезло, – заметил туранец. Оба проходимца вполголоса захихикали. – Думаю, есть единственный верный способ проверить, как эта отравка влияет на людей...

– Я ее пить не стану, – торопливо открестился Ши и задумался, на миг представив потрясающую шутку: вернуться в «Уютную нору», проникнуть на кухню и плеснуть оранжевой водицы в котел, где варится похлебка. Хотя нет, угощать всех – чересчур жестоко. Подпоить, допустим, Райгарха... или Малыша... Запоминающийся выдастся вечерок, нечего сказать.

– Тебе и не предлагают. Надо найти кого-нибудь подходящего. Я даже придумал, где. Идем, тут недалеко.

С сожалением выбравшись из-под редкой тени навеса, приятели углубились в дебри проходных дворов, черных ходов и известных только старожилам проулков, таких тесных, что там с трудом расходились два человека. Прогулка завершилась в месте, которое Ши признал с первого взгляда, ибо сам порой сюда наведывался.

– Эй, это ведь задворки Ак-Сорельяны?

– Они самые, – кивнул Мейгелен, рыская взглядом по сторонам в поисках личности, достойной испытать на себе действие загадочного напитка.

Если Сахиль – кошель Шадизара, то Ак-Сорельяна, Улица Тысячи Соблазнов – его душа и разум. Здесь по обе стороны широкого проезда выстроились лучшие заведения, прославившиеся далеко за пределами Заморы, здесь обитают самые красивые и дорогие женщины, здесь особенно яростен поддельный блеск роскоши Города Воров. Тут выполняется любая ваша прихоть, любое сумасбродство, но и цены за осуществление мечты способны кого угодно повергнуть в обморок. Ши и ему подобные преимущественно наносили визиты в нижнюю, дешевую часть Ак-Сорельяны. Ночка в худшем из борделей Улицы Соблазнов обходилась Ши Шеламу в сумму, накапливаемую в течении одной-двух лун, так что частых развлечений он себе позволить никак не мог и оттого чувствовал себя обделенным судьбой.

Спрятанные от глаз гостей задние дворы заведений кипели приглушенной, незатихающей жизнью. Сюда наведывались торговцы провизией, винами, тканями, украшениями и иным полезным барахлом, приходили девушки в поисках места – для начала хотя бы служанки, крутились какие-то подозрительно востроглазые личности, разговаривавшие на редкость вкрадчивым шепотом, и, само собой, промышляла уйма нищих любого пола и возраста.

По мнению Ши, для их целей подошел бы первый попавшийся субъект. Мейгелен, однако, разыскивал кого-то определенного.

– Вот он, – наконец обрадованно проговорил туранец.

– Почему именно он? – не понял Ши, разглядывая намеченную жертву – лысоватый тип средних лет, подпирающий стену и лениво глазеющий на мелькающих мимо прохожих. Рядом с нищевородом стоит пустая глиняная чашка для подаваний и лежит наполовину обгрызенная лепешка.

– Не признал, что ли? – удивился Мейгелен. – Смотри внимательнее.

– Плешивец, – ахнул Ши, последовав совету и вглядевшись. – Плешивец Салдус, бывший городской палач с Воловьевой площади! Вот он куда подевался! А болтали, будто он повесился, когда Рекифес выкинул его с должности!

– Нет, пристроился сюда, – опроверг сплетни Мейгелен. – Как, угостим господина разжалованного душегуба молочком из-под бешеной коровки? Пусть хоть разок порадуетя!

– Угостим! – согласился Ши. Как всякий обитатель Шадизара, он испытывал традиционную неприязнь к власти предрержащим и не упускал случая, дабы слегка осложнить им существование.

Кувшин с дешевым туранским вином дружки прикупили заранее, по дороге. Возник краткий спор о числе добавляемых капель, сошлись на трех – человек все-таки намного меньше верблюда, как бы не отдал концы. Взболтав содержимое кувшина, Ши с самым независимым видом направился мимо Плешивца, но запнулся, услышав робкое: «Подайте на пропитание».

Обычно городские попрошайки вели себя куда нахальнее. Бывший палач, видно, не успел за пару дней освоить новое ремесло.

– С утра не подаю, – бросил Ши и, вполне похоже изобразив колебание, добавил, ставя кувшин поблизости от нищего: – С тебя и этого вполне хватит. Только седи в углу, чтобы хозяйка не заметила.

Салдус вцепился в кувшин, как утопающий в соломинку – видно, его скромные доходы не позволяли раскошелиться даже на самое скверное пойло. Ши, юркнувший за гору пустых ящиков, и дожидавшийся его Мейгелен собственными глазами убедились, что Плешивец употребил щедрое подавание по назначению, и теперь нетерпеливо ожидали последствий.

Те не замедлили проявиться.

Для начала Плешивец обеспокоено задергался, нехорошо озираясь и провожая жадным взглядом любую пробежавшую через двор женщину – от горбатой старухи-посудомойки до решившей наведаться в город танцовщицы из Хоарезма, один разговор с которой оценивался в полсотни золотых.

Созерцание не помогло. Салдус неуклюже поднялся на ноги, заковылял к черному входу и постучался. Открыла встрепанная девушка-служанка, угрожающе выставившая перед собой швабру с мокрой тряпкой. Плешивец принялся что-то настойчиво ей втолковывать, подкрепляя слова переходившими из рук в руки монетами.

– Значит, у него водятся деньги? – нахмурился Ши. – Чего ж тогда он просиживает тут задницу, прикидываясь нищим?

Девушка неохотно отступила назад, пропустив Салдуса внутрь. Дверь захлопнулась, оставив пару жуликов в крайнем недоумении.

– Я должен это видеть, – упрямо заявил Ши Шелам. – Слушай, какое это заведение?

– «Алмазный водопад», – растерянно сказал Мейгелен. – Лучший шадизарский притон, и его туда впустили? Тут что-то не так...

– Может, он знаком с кем-то из прислуги? – высказал предположение Ши и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, бочком приблизился к двери. Та запиралась изнутри на засов, но щель между створкой и косяком выглядела достаточно широкой, чтобы пропустить лезвие кинжала. Короткое движение вверх и чуть вбок – путь свободен.

– Если поймут, прикончат на месте, – бодро напомнил туранец и первым исчез за порогом.

Разыскать Плешивца оказалось проще простого. Он нырнул в крохотную кладовку рядом с входом, втащив за собой неосмотрительно впустившую его девчонку. Зажал ей рот, задрал юбку и, в точности уподобясь спятившему

верблюду-мулаиду, с неслыханной для его возраста прытью вершил бесхитростнейшее из действий. Слабые попытки девицы вырваться немедля пресекались.

- Однако... - фыркнул Ши. - Бойкий старичок...

- Надо его вышвырнуть отсюда, пока никто не заметил, - сердито буркнул Мейгелен.

Кончив труды, Салдус отпихнул всхлипывавшую служанку и, не задерживаясь, чтобы привести себя в порядок, целеустремленно двинулся к жилым помещениям. Девица сползла по стене и осталась лежать кучкой пестрого тряпья.

- Дедуля, тебе не в ту сторону, - Ши загородил Плешивцу дорогу, мельком отметив, что крохотные глазки бывшего палача лишились малейшей капли разума, а зрачки стянулись в крохотную точку. - Стой, стой, туда нельзя!

Ши не сомневался, что без труда скрутит Плешивца, однако не учел действия снадобья. Миг назад воришка протягивал руку, чтобы сгрести разошедшегося Салдуса за шиворот и выволочь на улицу, а в следующее мгновение мир качнулся и Ши со всего размаху врезался в деревянную стену коридора. Взлетело облачко беловатой пыли - осыпающаяся побелка. Ши не устоял на ногах и не слишком ловко приземлился на пол.

Плешивец равнодушно перешагнул через валяющееся под ногами тело и зашагал дальше.

- Mamочка моя дорогая, - с трудом произнес Ши, и на пробу боязливо пошевелил различными конечностями. Вроде ничего не сломалось, однако возникло неприятное ощущение, будто по спине промчалось стадо буйволов. Мейгелен, присевший возле служанки и пытавшийся привести ее в чувство, уставился на приятеля со смесью недоверия и искреннего потрясения.

- Кажется, шутка зашла слишком далеко, - встревожено заметил туранец. Доказывая его опасения, невдалеке хлопнула дверь и раздался женский визг, подхваченный двумя или тремя голосами. Визг сменился испуганными воплями, кто-то помчался по коридору, топоча и зовя на помощь. Очнувшаяся девчонка

тупо уставилась на приятелей, отползла в сторону и спряталась за сундуком, не прекращая всхлипывать. – Он ведь может таких дел наворотить...

– Есть предложения? – Ши осторожно встал, цепляясь за стену.

– Давай хотя бы глянем, чем он занят.

– Известно чем... Сейчас набегут тутошние вышибалы, как бы и им не досталось...

– Зато нас в суматохе не заметят. На худой конец что-нибудь сохрем. И надо узнать, какой срок действия твоей отравы.

– Вдруг трех капель хватает на год? – испугался Ши. – Этого ж ни один человек не выдержит!

– На год – это перебор, – усомнился Мейгелен. – На полдня, от силы на день. В следующий раз нальем поменьше.

«Следующего раза на будет», – хотел сказать Ши. Его заглушил всплеск разноголосых воплей, перемежаемый свирепыми проклятиями, шумной возней и безутешными рыданиями.

* * *

Звуки потасовки объяснялись чрезвычайно незамысловато – примчавшиеся на призывы о помощи здешние блюстители порядка (в количестве трех человек) тщетно старались оторвать Плешивца от приглянувшейся ему особы. Когда Ши и Мейгелен, соблюдая всяческую предосторожность, выглянули из занавешенных циновкой дверей черного хода, бывший городской палач как раз отделался от последнего повисшего на нем громилы, сбросив его в занимавший середину залы мелкий бассейн с искусственным водопадом, и вернулся к столь грубо прерванному занятию. Вторая после служанки жертва Салдуса, кутавшаяся в обрывки некогда дорогого платья, полулежала на ступеньках ведущей наверх

лестницы и заливалась слезами. С площадки второго этажа через перила свешивался выводок хорошеньких, но перепуганных до полусмерти девиц, при малейшей опасности шарахавшихся назад и заходившихся пронзительным верещанием.

Получив требуемое, Плешивец мгновенно потерял интерес к своей добыче и направился к лестнице. Зрительницы в панике разбежались, в точности как цыплята при виде мелькнувшего над птичником коршуна.

- Что здесь творится? Кто пустил сюда это отребье?..

Требовательный и въедливый голосок обозначил явление нового лица – пухленькой, моложавой женщины с копной черных кудряшек, разряженной в просторное одеяние, переливающееся красными, золотыми и малиновыми оттенками. Не то самолично разгневанная хозяйка, не то ее ближайшая помощница. Дама удивленно оглядела поверженных охранников вкупе с плачущими девицами, безошибочно установила виновника – карабкающегося по ступеням нищего, и решила, не дожидаясь подкрепления, лично встать на охрану заведения.

- Вон отсюда! – столь высокий тон мог без труда расколоть алмаз на мелкие кристаллы, но результат оказался совсем иным. Салдус узрел существо женского пола и, прихрамывая, устремился вниз.

- Н-не подходи, – женщина запоздало догадалась, что творится нечто жуткое и в «Водопад» проник не просто спятивший попрошайка, но настоящий безумец. – Убирайся, убирайся! Эй, кто-нибудь!..

Один из ерзавших на полу вышибал попытался удержать Плешивца за ногу, но получил сокрушительный удар по носу и затих. Опешившая чернявая красotka пятилась, пока не уткнулась в стену. Наверху сдавленно охнули – у какой-то из обитательниц заведения хватило смелости вернуться.

Плешивец рассудил, что пойманная женщина его вполне устраивает и схватил ее за руку, не обращая внимания на щедро отвешиваемые пинки, крики и даже попытки кусаться. Дама оказалась с норовом и сдаваться запросто не собиралась, хотя особых успехов в сопротивлении не достигла.

– Все имеет свои границы, – не выдержал Мейгелен, когда Салдус повалил отбивавшуюся добычу на пол и принялся деловито сдирать с нее одежду. – Мы ведь просто хотели пошутить!

– Да ничего ей не сделается, наверняка не в первый раз... – промямлил Ши, ощущавший некоторую смутную вину за творившиеся безобразия. Мейгелен не стал дослушивать.

Его широкий жест ничего не изменил. Плешивец умудрился заметить подкрадывающегося человека, бросил женщину, развернулся к тому, кто вознамерился ему помешать, и вскоре уличный грабитель из Турана присоединился к потерпевшим поражение охранникам. Женщина, воспользовавшись ситуацией, хотела улизнуть и почти добежала до спасительных дверей, но Салдус без труда догнал ее и потащил обратно.

«Может, он справится с этой красулей и угомонится? – тоскливо подумал Ши. – А если нет? Вдруг он окончательно спятил? Что же тогда, придется его убивать? Как? И кому? Только не мне!»

Ши посмотрел вокруг, убедился, что помощи ждать неоткуда, мысленно проклял все зелья мира и собственное любопытство, и потянулся за спрятанным в сапоге ножом. Значит, иного выхода ему не оставили. С другой стороны, если ему повезет и он спасет девицу, можно смело рассчитывать на определенное вознаграждение...

– Эй, уродина лысая! Глянь сюда!

Физиономия обернувшегося на крик Салдуса в целом по-прежнему походила на человеческое лицо, если не считать перекосившегося рта и съехавшихся к переносице бессмысленных глазок. Их выражение не изменилось даже при виде остро блеснувшего лезвия, и Ши запоздало усомнился в исходе своей затеи. Обычные люди побаиваются оружия и предпочитают не связываться с тем, кто небрежно помахивает кинжалом.

На Плешивца всеобщее правило не распространялось. Встав, тот двинулся напрямик на Ши – не угрожая, просто желая поскорее разделаться с досадной помехой.

Последующие мгновения запомнились Ши как весьма неприятные: он выманивал Салдуса поближе к бассейну, на свободное место, сумел дважды или трижды достать бывшего палача ножом, но с равным успехом мог полосовать каменную стену. Плешивец, похоже, не чувствовал боли и хотел одного: прикончить Ши и отыскать себе новую подружку поневоле.

Беготня по залу окончилась плачевно. Воришка наступил на черепок от разбитой вазы и поскользнулся. Отчаянным усилием метнул кинжал, вошедший где положено – чуть ниже ключицы. Кровь не потекла, а треклятый Плешивец только жизнерадостно ухмыльнулся. Ши мимолетно помечтал о том, чтобы сегодняшнее утро прошло иначе, увернулся от тянувшейся к нему руки, метнулся вниз и вбок, но пропустил подножку и шлепнулся на гладкий, натертый воском пол из ореховых дощечек. Салдус постоял над ним, раздумывая, и наклонился, собираясь то ли свернуть шею, то ли от души треснуть о стену. Ни тот, ни другой исход Ши не устраивал, однако спросить его мнение забыли.

Нечто стремительное вихрем пронеслось вниз по лестнице, очутилось за спиной Плешивца, подпрыгнуло и с азартным воплем ударило бывшего палача по затылку. На краткий миг лицо Салдуса стало осмысленным и крайне изумленным, точно он хотел спросить: «Куда это меня занесло?». Затем он качнулся взад-вперед и тяжеловесно рухнул на не успевшего отползти Ши, придавив того к стене. Воришка засипел, тщетно втягивая хоть немного воздуха.

– погоди дрыгаться, я сейчас тебя вытащу, – произнес мелодичный, слегка суховатый и переполненный скрытой язвительности женский голос. В поле зрения Ши появилась сначала опустившаяся на пол тяжелая бронзовая ваза, только что сведшая близкое знакомство с лысым черепом Салдуса. Затем возникли две тонкие сильные руки, перехваченные в запястье тяжелыми кольцами браслетов. Длинные пальцы с ногтями, выкрашенными в бледно-желтоватый цвет, цепко ухватили Плешивца за лохмотья на плечах и потащили в сторону. – Линнета, ты цела?

В ответ раздался надрывный кашель, сменившийся красочными и яростными ругательствами, неопровержимо доказывавшими, что рассудок чернявой красотики ничуть не пострадал, в отличие от всего остального.

Туша Салдуса заерзала и скатилась вбок, позволив Ши вдохнуть.

– На редкость вовремя, – прохрипел он, упираясь слегка расплывающимся взглядом в пару очень длинных и чрезвычайно стройных ножек, обутых в посеребренные сандалии. Ши поднял глаза выше, убеждаясь, что ноги переходят в достойную всяческого восхищения фигуру, затянутую в голубовато-серебристый шелк. Вдобавок у фигуры имелись русые с ярко-рыжим отливом волосы, точеное узкое лицо с зеленоватыми глазами и весьма ироничная усмешка. Ши всегда подозревал, что подобные женщины, словно родившиеся из воспаленного юношеского воображения, должны существовать, но наяву никогда с такими не сталкивался. До последнего дня.

– Привет, герой, – со смешком произнесла незнакомка. – Ты живой или нет? Что за мерзкое чудовище осквернило наш тихий уголок и кому мы обязаны спасением?

– Салдус Плешивец, бывший палач, – с трудом выговорил Ши и, не очень соображая, что болтает, продолжил: – Его опоили и он свихнулся. Мы с приятелем хотели посмотреть, что из этого выйдет. Не выдавай нас хозяйке, ладно? Мы сейчас уберемся...

– Не выдам, – пообещала красавица в голубом и, нахмурившись, вопросительно посмотрела на Салдуса. Чернявая дама, звавшаяся Линнетой, сумела с помощью воскресших охранников подняться на ноги, подошла ближе и размашисто пнула неподвижного Плешивца.

– Вот скотина! Убила бы!

– Тихо, Линни, тихо, – успокоила ее блондинка. – Сейчас мы с ним разберемся. Мальчики, если вы вернулись в мир живых, поднимите это создание.

Двое охранников, недовольно ворча, сгребли лежавшего на брюхе и издававшего булькающие звуки Салдуса, собираясь рывком поставить на ноги. Тот замычал, слабо отмахиваясь, рыгнул, выпустив лужицу желчи (прекрасная незнакомка и Линнета одинаково брезгливо сморщились, попятившись), перевалился на спину и мелко затрясся.

– Надеюсь, он не болен какой-нибудь заразой, – тревожно пробормотала зеленоглазая девица.

Позабытый всеми Ши яростно затеребил не подававшего признаков жизни Мейгелена:

- Вставай, надо сматываться.

Туранец не шевелился – похоже, ему здорово досталось.

Плешивца вдруг выгнуло дугой, он по-пороссячи взвизгнул, стучась лысой макушкой о пол, и стих, закатив глаза под самый лоб. Общество тревожно поглядело друг на друга.

- Пихните его, да покрепче, – шепотом распорядилась кудрявая Линнета. Стоявший поблизости вышибала с явным удовольствием выполнил ее приказ и растерянно проговорил:

- Да он сдох!

- Как сдох? – переспросила блондинка, вопросительно изгибая бровь.

- С высоко поднятым копьём, – вяло сострил Ши, намекая на то, что мужское достоинство Салдуса Плешивца продолжало стоять торчком и слегка покачивалось. – В бою на поле любви...

- Только этого не хватало, – дама в голубом устало прислонилась к стене. – Ладно, раз он помер, выкиньте его куда-нибудь, и чтобы потом сюда не таскались с расспросами стражники... Хотя стойте!

Она скорчила гримаску, присела на корточки возле останков Плешивца (Ши судорожно и быстро сглотнул, покосившись на ее туго обтянутый поблескивающим шелком округлый задик) и с явным отвращением принялась к исходящему из приоткрытого рта нищего запаху. Наклонила голову, озадаченно постучала себя пальцем по острому подбородку. Перевела взгляд на переминавшегося с ноги на ногу Ши. Встала, кивнула охранникам, разрешая убрать труп. Те, схватив Плешивца за руки и за ноги, спешно уволокли его по черному ходу во двор.

– Говоришь, опоили? – задумчиво повторила красавица. Ши пожалел, что замешкался и вовремя не убрался с глаз долой. – Мне известны кое-какие составы, от которых человеком завладевает похожее безумие, однако... Ты, надо полагать, видел, как это все происходило?

Ши неосторожно глянул в прозрачно-зеленоватые, точно иранистанские изумруды, глаза женщины, заморожено кивнул и заплетающимся языком пробормотал:

– Мне... нам нужно убраться отсюда, пока нас не заметили местные мордовороты. Иначе они вполне могут решит, что мы во всем виноваты и доложить владелице заведения. Со здешней хозяйкой, как говорят, лучше не связываться. Спасибо за помощь, конечно, и все такое, но нам пора. Если хочешь помочь – отвлеки громил.

– Бежать никуда не надо, – спокойно возразила девица. – Я и есть хозяйка.

– Че-го? – воришка, без того слабо державшийся на ногах, обмяк.

– Я хозяйка этого заведения, – с легкой полуулыбкой повторила особа в голубом. – Госпожа Кэто Сувейба, к вашим услугам. Твоему другу, между прочим, необходимы помощь и покой, а тебе, думаю, не помешает бокал вина. Кроме того, я хотела бы знать, с какой радости отстраненные от дел палачи носятся по городу, нападая на беззащитных девушек, и при чем тут ваша наверняка весьма предприимчивая парочка... – она огляделась по сторонам. – Линнета, займись девочками, наведи порядок. Срочно разыщите хорошего лекаря... Да шевелитесь, в конце концов! – она вдруг сорвалась на крик, потеряв изрядную часть своей холодной красоты. – Что вылупились, мертвецов не видели? А ну, за работу, быстро!

Окрик подействовал. Чернявая Линнета, забыв о собственных горестях, заворковала над лежавшей возле бассейна жертвой Салдуса. Сверху боязливо спустилось трио притихших девиц и увело другую пострадавшую, ту, что рыдала на ступеньках.

– Пойдем, поговорим в более подходящем месте, – госпожа Кэто, похоже, обладала редкой способностью мгновенно переходить от одного настроения к другому. Сейчас она стала воплощенной любезностью. Ши открыл рот и

безмолвно закрыл, ибо подходящие слова улетучились. Первую вспыхнувшую в воображении идею он предпочел сразу задавить, горестно полюбовавшись сопровождавшей ее картинкой с участием госпожи Кэто, но вторая... Вторая, если повести дело с толком, сулила кой-какие выгоды. Главное – помалкивать о хрустальном флаконе с оранжевой жидкостью. И любым способом не позволить восхитительной Кэто сделать из него одуревшего от страсти верблюда с высунутым языком и единственной мыслью в голове!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Розыгрыши и последствия

Грохот захлопывающейся двери заставил немногочисленных посетителей «Уютной норы» оглянуться в немом вопросе, но оказалось, что всего-навсего вернулся из города Ши Шелам. Не задерживаясь, чтобы поприветствовать завсегдатаев или перекинуться словечком с хозяйкой, воришка резво пронесся между столами и юркнул в прятавшийся под лестницей темноватый чулан.

Прибравшиеся слуги и даже сама бесстрашная Лорна предпочитали не заглядывать лишней раз в маленький закуток, облюбованный Хиссом, Кэрли и Ши. Там хранились пузатые бутылки с подозрительного вида настоями, связки дурно пахнущих трав, валялись толстые книги в замшелых от старости переплетах и загадочные амулеты, а со шкафов на головы случайным посетителям обрушивались потрепанные чучела небывалых тварей вроде детеныша мантихоры или крылатого змея.

Стремительное появление Ши и его поспешное исчезновение в недрах чулана означало, по мнению опытной Лорны, только одно: у воришки наклеивалась очередная авантюра и для нее требовалось срочно изготовить «колдовской отвар» или «приворотный напиток». Лорна от души надеялась, что в один прекрасный день постояльцам не придет в голову блестящая идея начать стряпать дешевые и надежные яды. Ей вполне хватало того, что Ши и Хисс время от времени разводили на заднем дворе костер, вешали котелок и варили какую-то отраву, включающую сушеные цветы желтых лотосов, созревшие коробочки мака и тонкие полоски коры омелы. Получалось густое желе коричневатого-медового цвета, которое приятели разрезали на крохотные кусочки

и продавали любителям дурманящих зелий.

Возился Ши довольно долго. Из комнатухи прилетел горький аромат растираемого миндаля, затем – приторно-сладкий, удушливый запах настойки шалфея, сменившийся звоном бьющегося стекла. Забеспокоившись, как бы в приступе творчества Ши не спалил заведение, тавернщица выбралась из-за стойки и отправилась глянуть, чем занят воришка.

– Сгинь, пропади! – раздраженно бросил Ши, стоя к ней спиной и увлеченно колдуя над крохотной жаровней, испускавшей клубы сизоватого дыма. – Закрой дверь с той стороны, чтоб духу твоего здесь не было!

– Вообще-то тут как бы мое заведение, – мягко напомнила Лорна. Ши заголошнно обернулся, едва не перевернув стоявшую в опасной близости к краю стола кхитайскую фарфоровую плошку.

– Ой... Я думал, какая-нибудь морда лезет мешаться под ногами... Будь другом, помоги! – и, не успела Лорна возразить, как ей сунули медный ковшик, наполненный булькающей кашцей, велел держать над огнем, но ни в коем случае не давать закипеть. Каша имела неприятный сизоватый цвет и воняла прогорклым жиром, но Ши хлопотал вокруг нее с таким старанием, будто готовил порцию амброзии. Наконец, он счел, что мерзкое даже на вид варево достигло нужной густоты, процедил его через грязноватые ветошки, смешал с другой жидкостью, подозрительно смахивающей на разведенное туранское вино, и по капельке перелил свежую отраву в изящный округлый флакончик.

– Они чем-нибудь различаются? – с тревогой в голосе спросил он, ставя перед тавернщицей две склянки. На первый взгляд, в обеих находилось нечто ярко-оранжевое. Завороженная действиями Ши, Лорна послушно вгляделась:

– Вроде нет... Тащи на свет, посмотрим там.

Флаконы переместились на стойку, поближе к пробивающимся через маленькие тусклые окна лучам заходящего солнца и трепещущим огонькам свечей.

– Этот чуток мутнее, – Лорна постучала ногтем по склянке справа. – Но, если не присматриваться – очень похоже... Слушай, отравитель недоделанный, какую гадость ты сотворил на сей раз?

– Вовсе не гадость, – обиделся Ши, любовно созерцая флаконы. – Очень хорошую и даже просто замечательную вещь. Кто из наших дома?

– Райгарх дрыхнет наверху. Остальные поразбежались, даже Малыш, – бритунийка облокотилась на стойку и изучающе воззрилась на Ши: – Ищешь, на ком бы опробовать свое пойло?

– Уже нашел, – расплывчато ответил воришка и сдавленно хрюкнул. – В твоей так называемой таверне найдется что-нибудь выпить, кроме протухшей воды из фонтана?

– Будешь хулить мою «Нору», получишь по шее, – беззлобно пригрозила Лорна, вытащила початый кувшин розового шемского и плеснула в две кружки. – Твое здоровье, маленький прохиндей. Не осчастливишь скучающую хозяйку сказанием о том, во что ты встрял или намереваешься встрять? Зачем тебе понадобились эти склянки?

Ши нахмурился. Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь россыпью событий сегодняшнего дня, однако кое-что в будущем рассказе совершенно не предназначалось для женских ушей. С другой стороны, это ведь Лорна, свой человек, ей не привыкать к соленым историям... Только про заключенную Ши сделку ей знать вовсе не обязательно. Каждый имеет право на парочку-другую тайн.

Воришка торжественно откашлялся и начал повествование. Правдивое, если не считать кое-каких дополнительных украшений. Впрочем, в Шадизаре считалось хорошим тоном добавить к реальным событиям пару-тройку выразительных штрихов из области фантазии. Дабы надежнее поразить слушателей до глубины души.

Уже на описании любовных походов черного верблюда Лорна фыркнула в кружку, расплескав половину содержимого. Происшествие в «Алмазном водопаде» вызвало у тавернщицы приступ здорового варварского хохота и искреннее сочувствие невезучим девицам. Ши только собрался красочно расписать свое близкое знакомство с госпожой Кэто (имевшее место пока только в его воображении), как рядом жалостно хрустнули дубовые плашки стойки и знакомый голос прогудел:

- Умеют некоторые душевно врать...

- Не нравится – не слушай, – отозвался Ши. – Тебя поздравить с наступлением нового вечера нашей жизни или выразить соболезнование?

- Чего? – спросонья, да вдобавок с невыветрившегося до конца похмелья Райгарх плоховато соображал. Однако у него хватило догадливости сгрести красовавшиеся поблизости флакончики и полюбопытствовать: – Что за дерьмо?

- Не трогай! – испуганно взвизгнул Ши. – Лорна, отбери у него!

Тавернщица молча забрала у приятеля склянки с оранжевой жидкостью, заменив их внушительной глиняной кружкой, украшенной белой шапкой пены. Ши тщательно спрятал флаконы и ехидно прищурился, обдумывая свой замысел. Требовалось обождать, когда Райгарх придет в себя – это должно случиться очень скоро – и можно приступать к следующей части плана. Хорошо бы в «Уютную нору» вернулся еще кто-нибудь из Компании. Скажем, Джай или Хисс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/loknit_olaf-b-orn/sokrovischa-nebes

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)